

Семейство Едини

Ирина
МЕЛЬНИКОВА

Семейный оберег
Камень любви

Ирина Александровна Мельникова
Фамильный оберег. Камень любви

Серия «Его величество случай»
Серия «Фамильный оберег», книга 3

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6888557

Ирина Мельникова. Фамильный оберег. Камень любви: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70877-2

Аннотация

Татьяна Бекешева жалела, что приехала в Сибирь на раскопки старинной крепости, – она никак не могла разобраться в своих чувствах к руководителю экспедиции Анатолию, пригласившему ее сюда. А ведь она оказалась в том самом месте, где триста лет назад встретились ее далекие предки – посланник Петра I Мирон Бекешев и сибирская княжна Айдына! В ходе раскопок они случайно наткнулись на богатое захоронение. Похоже, это сама Айдына! Потом начало твориться что-то ужасное: на охранявших найденные сокровища напали, а Татьяна стала свидетельницей ссоры археолога Федора с неизвестным, который вдруг выхватил нож и зарезал его! Неужели именно Федор навел на лагерь «черных копателей»? Татьяна вспомнила: взять его в экспедицию просил ее бывший жених!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ирина Мельникова

Фамильный оберег. Камень любви

Светлые зори встают над степью. Прозрачные, как покрывало невесты. Нежные, словно весенние цветы. Мягкие травы купаются в росах. Тонкая дымка затягивает горы. Розовым облаком чабреца подернуты седые камни.

Медленными шажками отступает ночь, уводя за собой тишину, пропитанную пряными степными запахами. Свист и трели проснувшихся птиц наполняют мир звенящей жизнью. Вот-вот покажется солнце. Ожидание повисает в воздухе: еще мгновение... Еще...

И – вот оно! Огромное, тяжелое, багровое светило медленно, как ступали древние боги, поднимается из-за горизонта. Да и куда ему спешить, если впереди бесконечность?!

Солнце мгновенно осыпает золотом широкую и плоскую, как сказочное блюдо, степь. Оно, словно наливное яблоко, висит над бескрайними просторами, одаривая их теплом и светом, и все вокруг притихло на миг, замерло перед этим царственным величием и волшебством, замороженное чудом жизни, дивным возрождением после черноты и прохлады ночи.

Тонко ржет жеребенок, встречая первое утро своей жизни, тихо отвечает ему мать-кобылица. Гулкое эхо дремлет в распадках, но птицы уже распелись на все лады, а беспокойный жаворонок взмыл в небо – над ковылями, над лесами, над синей подковой гор, над стремнинами рек и блюдами озер...

Во все стороны света разлеглась внизу степь, где ровная, как полотно, где бугристая, точно кожа доисторического ящера. Скальные останцы на вершинах сопок, будто костяные гребни на его спине, а одинокие камни вокруг курганов – зубы, потерянные в жестокой схватке...

Бескрайняя, как небо, и вечная, как небо, степь. В ожерелье темных лесов, в серебристых браслетах рек. Весною, как юность, – яркая, зеленая, дразнящая и страстная, залитая сладкими для трав потоками дождя, взлохмаченная теплыми порывами ветра, согретая игривым молодым солнцем.

Осенняя степь не любит буйных красок весны. Осенью она вся в неуловимо печальных оттенках увядающей природы – манит мягким касанием ветра, летящими по воздуху тонкими паутинками, нежным шорохом опадающей листвы, горьковатым запахом полыни. И с тихой грустью прислушивается к тоскливой перекличке журавлей в прохладной синеве неба. Впереди зима – долгая, с лютыми морозами, голодным волчьим воем и студеной поземкой, заматающей следы редких путников.

Но летом степь другая – с желтыми и зелеными полосками полей на склонах сопок, утренним ветром, молчанием лунной ночи, с закатами, прозрачными в июне и густыми, сочными – в июле и августе. Летом она полна благодати и зноя, от которого нет спасения даже в тени. Пестрое разнотравье лугов, парящий орел в бледной синеве неба, отары овец по сопкам, одинокая фигура всадника на холме. Из-под руки он всматривается в даль. Что он там видит, в зыбких потоках воздуха? Кого?

Молчит степь. Лишь иногда позволяет заступить на шагочок в свое прошлое. Огромные камни – менгиры, поставленные в степи неизвестно когда и неизвестно кем, – верные стражи ее тайн, ее истории. Что это за камни? Защитники от врагов? Обереги от злых духов? Пограничные столбы, отделявшие земли одного племени от другого, или древние капища, на которых степняки проводили свои обряды?

Покрытые пылью веков, изрытые морщинами – следами шальных гроз и безумной пурги, страшных морозов и дикой жары, они безмолвно взирают на седые ковыли, на стаи птиц, на одинокого волка, стерегущего логово с молодыми волчатами. Известно одно: они и впрямь реагируют на дурные помыслы. Сила менгиров передается слабому и немощному,

очищает разум от скверны и страха. Многие стремятся получить частицу их энергии. Но не всем это удастся. Кого-то они одаривают теплом, кого-то отпугивают леденящим холодом...

Шаманы знают: лишь чистой души человек может коснуться древних камней. Тогда он обретет мудрость Великой Степи и давно ушедших народов. Но не будет пощады тому, кто приблизится к камням с озлобленным сердцем. И его самого, и весь его род навеки проклянут те, кто вершит судьбы людей...

Плещется степь в утренних зорях, умывается росой, смотрится в зеркало озер. По вечерам ловит последние лучи солнца, собирает и копит их в травах, листьях деревьев, в пшеничных колосьях и метелках ковыля, отчего даже в пасмурный день от нее исходит мягкое и теплое свечение. Осенью примеряет разноцветные наряды, зимой кутается в снежную шубу... Великая и загадочная степь! Бескрайняя! Щедрая! Нежная – к друзьям! Беспощадная – к врагам! Многоликая, как жизнь, и трепетная, как любовь! Древняя хакасская степь!

Глава 1

– Просыпайся, Таня! Вставай!

Кто-то тряс ее за плечо, вырывая из плена сновидений. Она с трудом открыла глаза, с недоумением взглянула в старушечье лицо. Таис? Что случилось?

Таис улыбнулась.

– Напугала ты нас. Сутки проспала. Проголодалась небось?

– Сутки? – Татьяна села на постели. – Чего ж не разбудили?

– Болезнь твоя уходила. Нельзя ее пугать. Могла вернуться, – заметила Таис. – Теперь совсем ушла.

Татьяна быстро откинула одеяло, согнула ноги в коленях, выпрямила. Слушаются! Значит, Хуртаях ей не приснилась? Но почему так горько на душе? Почему слезы готовы вот-вот вырваться наружу? Айдына? Несомненно, это ее слезы! Слезы о потерянной любви. Сердце ее сжалось. Неужели кыргызская княжна так и не встретилась с Мироном? Но отчего ж тогда в жилах Бекешевых течет кыргызская кровь? Кто ответит на этот вопрос?¹

Она невольно коснулась пальцем серьги. Таис заметила, усмехнулась. Спросила:

– Ты ничего не хочешь рассказать о вчерашнем? Зачем пошла к озеру?

– Я видела женщину возле костра. Очень странную. Очень похожую на тетю Асю – мою покойную тетушку. Но это была не она. Молодая, красивая. С золотыми украшениями.

Татьяна посмотрела на Таис.

– Широкий обруч на шее, много браслетов. И прическа... Такие теперь не носят... Она позвала меня, и я пошла за ней. Нохай ее совсем не боялся. Ластился... И я не боялась. А потом в небо взметнулся столб света, и девушка пропала. А я поняла, что иду без костылей. Что это было, бабушка?

Старуха задумчиво покачала головой.

– Хозяйка твоих сережек приходила. Местная она, силу большую имела. Много-много лет прошло, а она этой силы не потеряла. И сюда она тебя привела, знала: здесь силу и любовь обретешь. – И повторила: – Да, любовь, и продолжение рода. Я ж говорю, твоя беда – твое испытание.

– Тетя Ася, сестра отца, перед смертью отдала мне эти серьги и сказала, что они принадлежали Айдыне – кыргызской княжне.

– О, Айдына! – Таис вновь покачала головой. – Ее душа в этих серьгах. Никому не отдавай их. Отдашь – счастье и любовь потеряешь! Поезжай в острох, Таня! Твое счастье ждет тебя! Только впереди новые испытания. Будь готова к ним! Теперь ты сильная, справишься! Главное – не отчаивайся и не снимай серьги!

Таис говорила с теми же интонациями, что и Ончас. Даже слово «острох» произнесла так же, как тетка Айдыны.

– Я поняла! – сказала Татьяна. – Я не расстанусь с серьгами.

Она засмеялась и спустила ноги с кровати. Господи, неужели кончились ее мучения?

– Иди умойся! Толик за тобой машину прислал, велел ехать быстрее, – Таис удрученно вздохнула. – Сказал, что в лагере позавтракаешь! Но хоть молока попей. А то, гляжу, совсем худая. Ветер подует – унесет!

Татьяна снова засмеялась и вышла из юрты. Подставив лицо солнечным лучам, потянулась. Хорошо-то как! И легкость в теле необыкновенная.

---

¹ Об этих событиях читайте в романах И. Мельниковой «Фамильный оберег. Закат цвета фламинго» и «Фамильный оберег. Отражение звезды».

Неподалеку совсем еще молодой парнишка, открыв капот «уазика», разглядывал что-то в моторе. Брезентовый верх у машины был откинут, и Татьяна тотчас представила, как это здорово – мчаться в открытой машине. Почти так же, как скакать верхом, подставляя лицо степному ветру.

Завидев Татьяну, водитель поднял голову, вытер руки тряпкой и спросил:

– Это вас в лагерь нужно отвезти?

– Меня, – отозвалась Татьяна и, заметив удивленный взгляд, брошенный на ее ноги, усмехнулась. – Я теперь резво бегаю. Могу и на своих двоих добраться. Тут же недалеко?

– Да я ж ничего... – засмутился парнишка. – Зачем на своих двоих? Домчу как положено!

– Тогда подождите еще минут пять! Умоюсь, и поедем.

Татьяна направилась к алюминиевому чайнику вместо умывальника. И это тоже обрадовало ее. Вода оказалась прохладной и приятно освежила лицо.

Вышла из юрты Таис, протянула кружку молока и теплую булочку.

– Поешь-ка, а то пока их завтрака дождешься...

Через какое-то время Татьяна уже сидела в машине. На всякий случай прихватила с собой папку с бумагой для рисования. Радостное возбуждение не проходило. Она представляла, как удивится Анатолий, когда увидит ее без костылей. Впрочем, она надеялась увидеть в его глазах не только удивление...

А машина мчалась сквозь степь, покрытую мягким ковром молодых трав, с разбросанными тут и там куртинами синих и желтых ирисов. Громоздились впереди серые сопки, поросшие редкими березняками и лиственницами – еще прозрачными, в кружевном уборе новой листвы.

Славно-то как! Татьяна зажмурилась, подставляя лицо теплему ветру, который пах солнцем и травами. Эти ароматы кружили голову, и она уже не сомневалась, правильно ли поступила, приехав сюда. Ведь вокруг абсолютно чужие люди. Но теперь неважно, как они к ней отнесутся. Раньше она боялась жалостливых взглядов, стеснялась своей болезни и той неловкости, которую испытывали всякий раз окружающие, заметив ее костыли. Но теперь костыли в прошлом, и поэтому прочь сомнения, прочь тревоги! Она начинает новую жизнь, в которой не будет места боли и отчаянию!

Лагерь показался неожиданно. Разноцветные шатровые палатки на высоком берегу Абасуга, сосновый бор... Сердце ее замерло. Затем она увидела Анатолия в шортах, выцветшей майке и старых кедах. Весело улыбаясь, он снял с головы армейскую панаму, помахал ею и поспешил навстречу машине.

Водитель заглушил мотор. Татьяна открыла дверцу и спрыгнула на землю. Прихватив папку с бумагой, направилась к Анатолию. В душе у нее все ликовало. А он стоял – смущенный и растерянный, и, видно, оттого, что ничего путного не пришло в голову, спросил, слегка заикаясь:

– А-а, где твои костыли?

– Костыли я выбросила, – ответила она лихо и крутанулась на пятке. – Мне идет без них?

– Таня! – Анатолий наконец опомнился, взял ее за руки. – Не верю своим глазам! Что произошло? Таис ничего мне не сказала. Только сообщила, что ты спишь без просыпу вторые сутки. Я стал беспокоиться. Велел разбудить тебя!

– Таис, наверно, побоялась сглазить, – улыбнулась Татьяна. – Честно сказать, я сама подумала, что все мне приснилось. Нет, не приснилось! Видишь, хожу, и даже пытаюсь бегать.

– Насчет бега ты осторожнее, – нахмурился Анатолий. – Но, согласись, все как-то странно...

– Ты разве не рад? – спросила тихо Татьяна. – Что-то изменилось?
– Глупости! – Анатолий обнял ее за плечи, посмотрел в глаза. – Теперь все намного проще.

Он взял ее под руку.

– Бабка возила тебя к Хуртаях?

– Возила, – кивнула Татьяна. – Но я еще до поездки пошла.

– Ни с того ни с сего пошла? – Анатолий подвел ее к скамье возле стола. – Присяживайся! Сейчас подадут завтрак.

Татьяна оглянулась по сторонам.

– А где остальные?

– Давно на раскопе, с восьми утра. Я там уже побывал, вернулся позавтракать с тобой.

– Я отвлекаю тебя от дел?

– Мои дела вовек не переделаешь. Дойдут и до них руки, – усмехнулся Анатолий. – Позавтракаем и направимся на раскоп. Тебе ведь интересно посмотреть, чем мы там занимаемся?

– Интересно, – она помолчала мгновение. – Дедушка тоже был археологом и все время говорил: «Вот подрастешь, возьму тебя в экспедицию». Но его не стало, когда мне было семь лет. Так и не получилось побывать на раскопках.

– Я знаю, – Анатолий задумчиво посмотрел на нее. – Академик Евгений Юрьевич Бекашев. Профессор Ларионов, мой учитель, ездил с ним в экспедиции, будучи аспирантом.

И снова в упор посмотрел на нее.

– Расскажи, как случилось, что ты рассталась с костылями?

Татьяна пожала плечами.

– Сама не знаю, как случилось... Сидела возле юрты, засмотрелась на озеро, встала и пошла. И только потом опомнилась, что иду без костылей. Испугалась, упала... Прибежали Таис и ее внук Каскар, студент на практике в племовцесовхозе... Словом, в юрту я вернулась без их помощи!

Она старалась говорить спокойно, буднично, словно все происшедшее с нею было вполне объяснимым, обыденным делом. О привидевшейся ей женщине Татьяна благоراضно промолчала. Еще непонятно, как отреагирует на это Анатолий, не примет ли за большие фантазии?

– Чудеса, да и только! – произнес Анатолий и отвел взгляд. Похоже, он ей не очень поверил.

Девушки-поварихи тем временем накрыли стол, принесли чайник с кипятком, поставили блюдо с горячими пирожками, миски с молочной кашей.

Татьяна сглотнула слюну. Надо же, думала, что вполне обойдется молоком и булочкой. Но аппетит на свежем воздухе разыгрался чуть ли не зверский. Боже, что будет с ее фигурой к концу сезона?

Анатолий с довольным видом потер ладони.

– Налетай! Отведаем, что наши искусницы приготовили!

Они пили чай, поглощали с завидной скоростью пирожки и больше молчали, обходясь короткими фразами, – оба чувствовали странную неловкость, скованность, словно в предчувствии чего-то важного, что вот-вот должно произойти.

Наконец Анатолий отставил пустую чашку, посмотрел на Татьяну. Взгляд у него снова стал задумчивым.

– Ты хорошо сделала, что согласилась съездить к Хуртаях. Многие не верят в то, что древние изваяния несут в себе силу.

– Силу? – изумилась Татьяна. – Выходит, Таис не просто так возила меня к Хуртаях? Это ты попросил ее?

– Нет, не просил. Но Таис знает обо всем и обо всех больше, чем мы думаем, только не сознается, – усмехнулся Анатолий. – Вон как глаза заблестели, когда твои серьги увидела. Так что не бойся, к Хуртаях вы не зря ездили.

Он поднялся на ноги. Посмотрел сверху вниз на Татьяну.

– Поверь, тут все пропитано магией древности – воздух, земля, деревья, камни. И время порой замедляет свой бег. Приглядишься, послушай, как звучит степь. Зовет, манит... – И улыбнулся по-детски, смущенно. – Ты это скоро поймешь. И будешь возвращаться сюда снова и снова, если не захочешь остаться здесь навсегда...

– А ты романтик! – улыбнулась Татьяна.

– Это возбуждается? – удивился Анатолий. – Кроме работы человеку нужны хоть маленькие, но радости. Молодежь здесь заводит романы, орет песни возле костра. А тем, кто постарше, вполне хватает красок Хакасии. Разве плохо, если после раскопа, а он порой изматывает до изнеможения, человек хочет насладиться покоем и красотой, которых не найдешь в городах?

– Прости, совсем не хотела тебя обидеть, – повинилась Татьяна. – Мне тоже здесь нравится. Я так тебе благодарна, что вытащил меня в экспедицию! Но я не буду обузой. Хочу работать на раскопе. Ведь вы не только фотографируете находки, но и зарисовываете их?

– Обязательно! Работы прибавится всем, и для тебя найдется занятие, если не передумаешь. Но давай дня три подождем. Пока оглядишься, разберешься, что к чему. Придется работать на солнце, в жару. Весь световой день. Правда, после обеда, в самое пекло, даем людям передохнуть. Сиеста, так сказать. Но многие и в перерыве работают. Выдержишь?

– Постараюсь, – Татьяна улыбнулась.

Анатолий посмотрел на часы.

– Четверть часа у нас еще в запасе. Захватим сотрудника и поедем на раскоп. Тут с километр всего. – И спросил: – Может, еще чаю? Вон еще сколько пирожков осталось.

И она не смогла отказаться.

Глава 2

Пятнадцать минут прошли, чай был выпит, пирожки доедены, а сотрудник так и не появился.

Анатолий бросил взгляд на часы, перевернул пустую чашку вверх доньшком и посмотрел на Татьяну.

– Помнишь, в больнице ты говорила о книге какого-то немца, которая хранилась в вашей семье. С портретом Мирона Бекешева...

– Помню, – кивнула Татьяна. – Но никогда ее не видела, только слышала пару раз, что была такая. Тетя Ася мимоходом вспоминала. Но она родилась в тридцать втором году, так что в войну ей было совсем мало лет. Книгу помнила слабо и точно не знала, то ли в войну пропала, то ли позже потерялась. Исчезла, и все. Причем единственная из старинных книг. Ее мама в блокаду сберегла библиотеку, ни одна книга не пошла на растопку.

– А позже она не пыталась узнавать у твоей бабушки, куда эта книга подевалась?

– Мама у нее умерла в пятидесятом, после того как дедушку в сорок девятом арестовали. В одно время со Львом Гумилевым.

– Да, я знаю об этом, – кивнул Анатолий. – Оба были осуждены на десять лет и отбывали срок сначала под Карагандой, а затем недалеко отсюда, в Междуреченске.

– Дедушку в пятьдесят шестом освободили и реабилитировали, но он перестал заниматься древними тюрками, увлекся археологией. В пятьдесят седьмом он снова женился, а в пятьдесят восьмом родился папа. Так что *моя* бабушка – мачеха тети Аси, и, скорее всего, о книге ничего не знала.

– В те годы история тюрков, в том числе енисейских кыргызов, практически была под запретом. Ведь она противоречила идее мирного освоения восточных земель. Хотя лет триста-четыреста назад главным занятием русского человека в Сибири были не землепашество и даже не промысел зверя, а война.

Анатолий помолчал мгновение, словно собирался с мыслями, и заговорил снова:

– Меня эта книга сильно заинтересовала. Если она о Сибири, да еще с парсуной² Мирона Бекешева, то, чем черт не шутит, вдруг в ней упоминается Абасугский острог? Принялся искать. Практически пошел туда – не знаю куда, искал то – не знаю что. Ни имени автора, ни года издания. И все же кое-что откопал. В одном из научных журналов обнаружил статью твоего деда. Датирована сорок седьмым годом. А в списке источников – книга некоего Германа Бауэра, изданная не в конце восемнадцатого века, а в 1728 году в Санкт-Петербурге. Называется «Моя жизнь в Сибири». Понимаешь, «моя жизнь»! Однозначно – не описание с чужих слов, чем грешили рассказы других путешественников. Многие из них даже не бывали в Сибири. Для иностранцев все земли, что за Уралом, были за семью печатями. Русские власти боялись шпионов, которые могли бы разузнать короткий путь в Китай. Сведения об открытиях во время экспедиций в Сибирь считались секретными, и путешественники подписывали обязательства об их неразглашении. Поэтому за Урал мог попасть только тот иностранец, который устраивался на русскую службу пожизненно.

– Герман Бауэр? Ты сказал: Герман Бауэр? – Татьяна сжала кулаки, чтобы унять дрожь в ладонях.

– Тебе знакомо это имя? – быстро спросил Анатолий.

– Нет-нет, – смутилась Татьяна. – Выходит, он был русским подданным?

– Скорее всего! При Петре Первом немало немцев находилось на русской службе.

---

² **Парсу́на(-ы)** (искаженное *persona* – личность, особа) – портреты реальных исторических лиц, создававшиеся в традициях иконописи. По сути, первые светские портреты.

– Но как дедушка мог упомянуть эту книгу, если она исчезла?

– Выходит, в то время еще не исчезла, – с торжеством в голосе произнес Анатолий. – Возможно, ее спрятали уже после войны. Перед арестом твоего деда или чуть позже. Я подозреваю, что о тайнике знала только мать Анастасии Евгеньевны. Но она умерла, а тайник так и остался тайником.

– Но с какой стати ее надо было прятать? – удивилась Татьяна.

– Пока не знаю. Книга, скорее всего, вышла, как сейчас говорят, малым тиражом, и один экземпляр наверняка был подарен Мирону Бекешеву. Это косвенно подтверждает, что они были знакомы с Бауэром. Но издание было почти сразу уничтожено. Кажется, что-то в ней не понравилось церкви.

– И что ж ей могло не понравиться?

– Многое, наверно! Русские, жившие в Московии, считали свою землю средоточием святости и ритуальной чистоты. Это главное в идее псковского старца Филофея о Третьем Риме. Другие земли рассматривались как страны нехристианские, нечистые, в которых православному человеку побывать – большой грех. Еще в начале XVIII века священник узнавал на исповедях, не ездил ли кто в землю нехристей, не попадал ли в татарский плен, и так далее. Естественно, подобные грехи православному человеку прощались, но пребывание в нечистых землях считалось все-таки нежелательным.

– Надо же, – удивилась Татьяна, – я как-то никогда не задумывалась... Точнее, даже не знала.

– Конечно, этого нет в школьных учебниках, – усмехнулся Анатолий. – На самом деле завоевание Сибири считалось делом греховным, ведь русскому человеку волей-неволей приходилось жить долгое время в нечистой земле, а кому-то оставаться там навсегда. По сути, в Сибирь поначалу попадало всякое отребье, которому плевать, в какой земле жить. К тому же сибирские воеводы и попы стремились быстрее привести местные народы под власть русского царя, окрестить их и, соответственно, очистить Сибирь от греховности, сделать ее мало-мальски пригодной для проживания истинно православного люда. Признаться, русских в отношениях с местными народами интересовали только три вещи – дадут ли клятву верности царю, принесут ли ясак и примут ли крещение. И очень обижались, когда инородцы упорствовали.

– Ясное дело, упорствовали, – вздохнула Татьяна. – Я хоть и не сильна в истории, но и то понимаю, что кыргызы не спешили принять чужую веру.

– В том-то и дело, что не только не спешили, но и сопротивлялись. Бывало, даже убивали священников. Жгли храмы, монастыри. Подозреваю, что Бауэр, как лютеранин, не слишком лицепрятно отзывался о сибирских священниках, которые и жизнь вели отнюдь не праведную, и слишком ретиво обращали инородцев в православие. Отчего и бунты случались, и восстания. А это опять же противоречило национальной идее мирного заселения Сибири. К сожалению, даже в западных библиотеках нет книги Бауэра.

– Жалко, что книга пропала, – вздохнула Татьяна. – У нас в семье разговоров о ней никогда не заводили, по крайней мере, на моей памяти. Пропала и пропала. Я даже представить не могу, куда ее умудрились спрятать. Думаю, дедушка отыскал бы книгу, если бы знал о тайнике. А интересно было бы заглянуть в нее! Думаю, многие вопросы отпали бы сами собой.

– Естественно, отпали бы! Возможно, удалось бы скорее найти Абасугский острог. А может, и нет! – сказал Анатолий с задумчивым видом. – Вдруг я ошибаюсь и в книге Бауэра о нем нет ни слова? Авторы большинства книг о Сибири пользовались довольно расплывчатым, но обильным источником – устными рассказами самих сибиряков. Известно, что местный народ недоброжелательно относился к чужакам, тем более к иностранцам, подозревал их в хитрости и коварстве. Похоже, что и сами рассказы сибиряков – не более чем насмешка

и даже издевка над заезжими чужаками. Поэтому многое из того, что происходило не только в Сибири, но и в России, для иностранцев оставалось за семью печатями. Вот и распускали они по свету всякие нелепицы, не опасаясь, что кто-то сумеет уличить их во лжи. Тем важнее книга Бауэра, если он видел эту жизнь изнутри!

– Да-да, я где-то читала об этом... Люди с песьими головами, люди-лягушки, которые умирают осенью и возрождаются весной, а еще о вечной зиме и лютом холоде, от которого человек мгновенно превращается в сосульку.

– Ну, это еще не все, – улыбнулся Анатолий. – До сих пор сохранились легенды о подземных городах, где люди ходят вверх ногами, о гигантских птицах с тремя головами, о том, что в Сибири есть реки, где камни на дне из чистого золота. Какие только сказки не сочиняли даже в шестнадцатом веке, когда началась колонизация территорий за Уралом! Теперь тебе ясно, насколько осторожно и разборчиво нужно относиться к иностранным опусам о Сибири? Большинство из них написаны по слухам, наугад, а публика, которая их читала, знала о сибирских землях и того меньше, поэтому не могла ни возразить, ни опровергнуть эти домыслы. Порой в такую чушь верили! И что немаловажно, эта чушь расползалась и по другим творениям таких же горе-писак. Да что там Сибирь! Еще в семнадцатом веке подобные небылицы о России ходили по всей Европе, и это при том, что Московское государство занимало огромную территорию – четыреста пятьдесят немецких миль³ в длину и двести сорок миль в ширину. Россия и в те времена даже без Сибири была самым крупным европейским государством.

– Я поняла, насколько эта книга важна для тебя, – тихо сказала Татьяна, – но пока ничем не могу помочь. Ты пытался как-то ее искать? Узнавал о судьбе Бауэра? Может, архивы сохранились?

– Пытался, но без особого успеха. Правда, удалось узнать, что после уничтожения книги он бежал в Швецию. И там его следы затерялись. Так что те его сочинения, что хранились в вашей семье, скорее всего, единственные, которые уцелели. Вернее, надеюсь, что уцелели и со временем обязательно найдутся.

– Дай бог! – Татьяна пожала плечами. – Я поговорю с папой. Вдруг он знает больше. Но вряд ли...

– В истории были прецеденты. Находились и более древние документы! К примеру, записки Николая Спафария – русского посла в Китае в конце семнадцатого века – были в двух книгах: один том посвящен Китаю, в другом – описание пути посольства Спафария через Сибирь. Надо сказать, весьма подробное и толковое для того времени. Так вот, китайский том в архивах присутствовал, а сибирский исчез. Его долго считали пропавшим. Видимо, неудобная информация о Сибири кому-то помешала, и ее просто уничтожили. Но неожиданно, через двести с лишним лет, в 1880 году сибирский том Спафария отыскан. Как ты думаешь где? Да там же, где и первый хранился, – в Китайских делах архива Министерства иностранных дел. Так что в наших архивах копать – не перекопать!

Он глянул поверх головы Татьяны и весело возвестил:

– Вот наконец-то и наш дендролог пожаловал! Сейчас поедem!

Татьяна оглянулась. К ним направлялся невысокий молодой человек в очках, с короткой рыжей бородкой, в шортах, застиранной ковбойке, расстегнутой на груди, и в бейсболке козырьком назад.

– О, это и есть ваша прекрасная гостья, Анатолий Георгиевич? – справился дендролог и протянул ей руку. – Будем знакомы! Игорь Полежаев!

– Таня, – она пожала его ладонь с твердыми бугорками мозолей и спросила: – Вы изучаете растения?

---

³ Немецкая, или географическая, миля = 7,42 км.

– Я – специалист по дендрохронологии, – улыбнулся Игорь. – Определяю возраст деревянных сооружений. Ведь острог рубили из бревен, которые заготавливали поблизости. Но сначала нужно найти живые деревья, которым лет так триста-четыре, чтобы было с чем сравнивать. Нелегкая задача, но я уже нашел в распадах две лиственницы и несколько сосен. Иногда, конечно, бревна не сразу шли на постройку, а года через два-три, но для археологов это не сроки. Главное, бревна отыскать или хотя бы большие фрагменты, тогда по годовым кольцам определим точное время возведения острога.

– До сих пор сомневаетесь? – удивилась Татьяна. – Не верится, что нашли Абасугский острог?

– Документам доверяй, но раз сто проверяй, – усмехнулся Анатолий. – Освоение Сибири шло по наезженной колее. Импровизация не допускалась. Остроги, которые строились без дозволения свыше, разрушались. Сибирский приказ жестко контролировал и проектирование новой крепости, и ее возведение – вплоть до каждого бревна и гвоздя. Каралось любое отступление от проекта. Послушания добивались батогами и казнями, и представить, что исполнители могли самовольно изменить план, трудно – точнее, невозможно.

– А могло так случиться, что какой-то дьяк в Москве за две тысячи верст от стройки сказал: острогу быть на той или иной реке, а по прибытии выяснилось, что строить там не с руки по какой-то причине. Вот и поставили острог в другом месте, – поинтересовалась Татьяна.

– Случалось, конечно, но крайне редко. Одно успокаивает: Мирону Бекешеву позволялось больше, чем простым смертным. Он приехал в Сибирь по личному распоряжению Петра и волен был сам выбирать подходящее место для крепости. В определенных пределах, естественно. Но, с другой стороны, второй острог – Сторожевой – он построил точно там, где его обозначил Петр Первый.

Анатолий посмотрел на часы и поторопил:

– Все-все! Вопросы потом! Поехали! А то скоро жара навалится!

И они направились к уже знакомому Татьяне «уазику».

Глава 3

На опушке леса кипела работа. Огромную поляну разбили на квадраты, натянув по периметру белые шнуры, закрепленные кольшками. Часть дерна успели снять, края будущего раскопа обрамляли отвалы земли. Чуть дальше виднелись горы выкорчеванных пней и груды хвороста. На раскопе работало человек тридцать. Кто-то продолжал снимать дерн и на тачках отвозить его в сторону, кто-то аккуратно – лопатами, совками, мастерками – рассчитал слои почвы, лежавшие под ним. Некоторые уже углубились по колено в вырытые ямы.

– Ну, смотри, это и есть наше поле боя! – сказал Анатолий. – Квадраты сориентированы по сторонам света, пронумерованы, чтобы точно определить место каждой находки. Видишь полоски нетронутого грунта? Это бровки. Они отделяют квадраты друг от друга. Ходить по ним следует осторожно, могут обрушиться, и под ноги нужно смотреть, чтобы не наступить на находки. Их складывают на бровку во время работы.

– Эту огромную площадку вы должны раскопать за лето? – поразилась Татьяна. – Титанический труд!

– Копать – дело нехитрое. Процесс раскопок долгий, но незамысловатый. Сначала работают землекопы. Самый тяжелый этап – вынуть часть земли и зачистить территорию. Археологи фотографируют раскоп, определяют изменения рельефа, стараются понять, откуда начинается культурный слой и где заканчивается. У него, как правило, почва другого цвета, и, кроме того, именно в культурном слое находят большую часть артефактов. Тахеометристы фиксируют зачищенную территорию, все ямы, слои, расположение крупных находок, а следом чертежник переведет в обычный чертеж данные с лазерной рулетки – тахеометра. Его пока по старинке выполняют на миллиметровке от руки. Начальники участков обрабатывают по мере поступления находки, записывают, где они были обнаружены, и только затем их относят в камеральную лабораторию⁴ для регистрации. Там находки моют, чистят, сортируют, документируют для дальнейшего изучения.

– А чем же занимается начальник экспедиции? – улыбнулась Татьяна. – Контролем и общим руководством?

– Твой покорный слуга – начальник экспедиции, – с теми же интонацией и улыбкой ответил Анатолий, – будет руководить работами и описывать весь археологический процесс в отчете о раскопках. Думаю, за сезон раскопаем не больше тридцати квадратов. Пока людей маловато. Но к июлю подтянутся еще студенты, волонтеры. Порядка шестидесяти человек. Некоторые из добровольцев уже пятый сезон со мной работают. Правда, люди будут меняться. У кого-то учебная практика закончится, у кого-то отпуск.

– А как ты определил, что нужно копать именно в этом месте? – Татьяна в недоумении оглянулась.

Честно сказать, наяву все выглядело по-другому. Может, потому, что подступы к утесу затянуло березняком, которого раньше не было и в помине. Да и река вроде как отступила. Но скажи она Анатолию о своих сомнениях, что он подумает?

Она еще раз обвела взглядом раскоп, трудившихся в дальнем его углу людей, сопку, вершина которой виднелась из-за леса. Нет, вроде все правильно. Именно с этой сопки спустились воины Тайнаха...

– Шурфы закладываем, визуальную разведку проводим, – спокойно пояснил Анатолий, не заметив ее волнения. – Сегодня появилась куча умнейших приборов – георадары, лазерные дальнометры, электронные теодолиты и нивелиры. У нас работают два оператора из лаборатории неразрушающего контроля. Вот они-то с помощью георадара и уточнили

---

⁴ Помещение для камеральной обработки материалов, собранных во время экспедиций и полевых изысканий.

место и границы будущего раскопа. Георадар – это вообще песня. Может распознать предмет размером в три квадратных сантиметра на глубине до одного метра да еще представить все это в трехмерном изображении.

– И что же показал георадар?

– Много что. Уцелели основания шести башен: четырех угловых, еще одной – проездной к полю, и той, через которую выходили к реке. Кроме того, остатки крепостных стен, нескольких внутрикрепостных и двух заглубленных в землю строений. Теперь могу сказать точно: острог погреб от пожара. Кое-где уже дошли до культурного слоя, так там просто слой углей – следы от сгоревших башен, деревянных стен и перекрытий изб.

– Здорово! Теперь ты не сомневаешься, что это Абасугский острог?

Анатолий улыбнулся.

– Не сомневаюсь, но радоваться пока остерегаюсь – чтобы не сплзнуть. Тьфу три раза, чтобы погода не подвела, чтобы денег хватило прокормить эту ораву, чтобы горючку снова не клянчить, чтобы техника работала как часы... Этих «чтобы» десятка два наберется, а сколько еще неподвиженных ситуаций...

Он взял Татьяну под руку и повел вдоль раскопа.

– Самое трудное – снимать дерн. Часть острога находилась под лесом. Пришлось березняк вырубать, пни корчевать. Но зато в лесу не так сильно нарастает грунт, как в поле, и вымывается он весенней водой меньше. Так что находки лежат ближе к поверхности, чем в открытой степи. В лесу дольше сохраняются на поверхности следы человеческой деятельности. В археологии это называется антропогенным ландшафтом. Если присмотреться наметанным глазом, можно разглядеть ямы от жилищ и прочих строений, могилы, остатки крепостных стен, рвов, защитных укреплений. Перед восточным валом, – Анатолий махнул рукой в сторону сопки, – обнаружили остатки рогаток против конницы – редкий часток из остро затесанных бревен. Их вбивали в землю под углом.

– И все это вы раскапываете вручную?

– А как ты думала? К тому же – малыми силами. До культурного слоя недалеко, поэтому экскаватор или бульдозер использовать опасно. Все только ручками. Лопата – лучший друг археолога. За сезон так к ней привыкнешь, что с закрытыми глазами определишь, где своя лопата, где – чужая. Правда, профессиональных археологов – раз-два и обчелся. Привлекаем на время сезона музейных работников. Некоторые постоянно со мной работают начальниками участков, чертежниками. Записывают находки, считают их. Наша добрейшая Ольга Львовна много лет заведует камералкой.

Они остановились возле одной из ям. Паренек в майке-тельняшке и в косынке, завязанной по-пиратски за ухом, строительным мастерком аккуратно снимал тонкие слои почвы. Людмила, племянница Анатолия, в соломенной шляпе с широкими полями, в старых джинсах и рубашке, сидела рядом на корточках и перебирала руками почву в пластмассовом тазике, аккуратно растирала комочки. Затем взяла в руки тетрадь и принялась что-то писать в ней карандашом.

– Полевой дневник заполняет, – шепнул Анатолий, кивнув на тетрадь, – слой описывает. А это – Сева. Землекоп и мой студент по совместительству.

При их приближении молодые люди подняли головы, улыбнулись. Людмила кивнула Татьяне, как старой знакомой, прищурилась, посмотрела пристально и серьезно, но удивления не выдала, лишь снова улыбнулась. Дружелюбно, словно и не дерзила недавно.

– Я рада за вас! – сказала и перевела взгляд на Анатолия. А тот спросил:

– Что нового?

– Дошли до культурного слоя, – пояснила девушка. – Пока только зола и угли, – и кивнула на кусок клеенки, что лежал на бровке. – Вон сколько накопили!

На клеенке и впрямь грудой лежали комочки земли, гораздо более темные, чем почва. Ничего особенного Татьяна в них не разглядела. Попадись под ноги – сочла бы за куски высохшей грязи.

Она невольно посмотрела на небо. Солнце еще не перевалило зенит, но уже пекло немилосердно. И так каждый день? Под палящим солнцем, в пыли, в грязи, не разгибая спины? Как рабы на галерах или плантациях сахарного тростника. Одно отличие: на ногах нет цепей и вокруг не стоят злобные надсмотрщики с хлыстами.

– Ну, работайте! – сказал Анатолий и посмотрел на Татьяну. – Давай в тень отойдем. Сейчас объявят перекур, переговорю с начальниками участков, каков улов на сегодня.

Они сели на траву под березами. Анатолий бросил взгляд на часы.

– Подождем минут десять. А я пока лекцию продолжу, – и достал из кармана фляжку. – Пить хочешь?

– Хочу.

Татьяна сделала несколько глотков, вернула фляжку.

Анатолий вновь глянул на часы, улыбнулся.

– Раскоп – всегда интересно! Никогда не знаешь, что под землей таится. Одна находка может перевернуть все представления об эпохе, о людях того времени. И работа на нем, сама видишь, – не приведи господь! Просто так не посидишь, балду не попинаешь. Погода тоже сильно не балует, то жара – не продохнешь, то дождь проливной, то суховей задует. Руки от вечной грязи трескаются, покрываются цыпками. С первых дней девчонки забывают о маникюре, о косметике. Крем от загара тоже несовместим с пылью и потом. Словом, это не пляж и не санаторий. Кое-кто не выдерживает. Но многие ездят не первый год. Друзьями обзаводятся, влюбляются, женятся. И заработок у нас приличный, студенты уже за полгода начинают проситься в экспедицию.

– И так все лето? Без отдыха, без выходных?

– А что поделаешь? Лето у нас короткое. В августе зарядят дожди, и все – конец сезона, хотя вроде тепло еще...

– Ты заранее расстраиваешься по этому поводу?

– Есть немного!

Анатолий оглянулся, махнул рукой.

– После того как исследуем все культурные слои, сделаем чертежи, фотографии, то есть дойдем до материка – пустого слоя почвы, эту часть раскопа в конце сезона закидаем землей. Неисследованные квадраты укроем полиэтиленом, а затем тоже закопаем. Вскроем уже будущим летом.

– И оставите раскоп без присмотра? – удивилась Татьяна.

– Мы его законсервируем, но до того как ляжет снег, придется нанять сторожа. Есть здесь хороший парень. Не пьющий, ответственный. Беда тут в чем? Местное население свято верит, что копать можно только для того, чтобы найти золото. Рассказываем, объясняем, показываем фотографии. Берем на раскопки местных ребятишек, чтоб убедились: находка осколка посуды, ржавого гвоздя или полусгнившего сруба для нас более ценна, чем поиски золотых артефактов. Но нужно два-три года, чтобы люди уверились: не клады мы ищем, а нечто более важное для науки, для истории, наконец.

– А вдруг найдете золотые вещи?

– Упаси господь! – усмехнулся Анатолий. – С одной стороны, конечно, самолюбие греет: сенсация, твое имя на страницах газет... Музыка, аплодисменты, шампанское... Как в театре! Но в реальности все не столь романтично. Найдешь, и что с этим золотом делать? Главное, сразу нужно ставить охрану. Местное население миглом пронюхает, набегит поглазеть и попутно прибрать к рукам то, что плохо лежит. Да и в самой экспедиции могут найтись любители быстрой наживы. Тыфу три раза, Бог нас миловал! В моих экспедициях воровства

не было, но ведь всякое случается. Так что с золотом проблем хватает. Придется сдавать его в банк, а до этого банка еще добраться надо.

Он с досадой махнул рукой.

– Народ у нас падкий на сенсации. Газеты мигом растрезвонят, да еще приврут с три короба. Вот и повалят дикие орды днем и ночью на раскоп и в лагерь. Будут хватать за руки, выяснять отношения, рассказывать о кладах. Одолеют просьбами взять в долгу, станут угрожать и взывать к совести. Хорошо, если этим ограничатся. Был недавно случай, в соседнем регионе... Начальника экспедиции подкараулили три отморозка. Подкараулили, когда он на лошади в одиночку возвращался из райцентра. Заарканили, стащили с коня. Увели с собой. Стали требовать золото. Пытали его, пальцы отрубили, уши отрезали. А что он им мог сказать? Что нашли только скелет и дюжину бронзовых безделушек? Словом, после всех издевательств, парня зарубили лопатой. Не оставлять же в живых свидетеля?

– Их не нашли? – быстро спросила Татьяна, тщетно пытаясь избавиться от кома в горле. Может, потому, что представила Анатолия на месте несчастного парня?

– Нашли, куда им деваться? На следующий день. Дебилы заливали неудачу аракой. Повязали тепленькими. Даже от улик дуреломы не избавились. А парня жалко! Молодой был, перспективный, а погиб от руки тупой и жадной деревенщины. А все оттого, что один из студентов взял да ляпнул: ищем, мол, золото в кургане. Нашли целую статую из золота, лежит в сундуке у начальника – в сейф не вмещается. Сказал просто так, для смеха, чтобы отцепились. Потом бедняга рыдал, каялся, о землю головой бился. Только слишком поздно осознал, что его болтовня человека сгубила! Словом, золото и драгоценности – мечта кладоискателя. В археологии ценится уникальность находки, пусть это даже куски керамики. Так что наша цель найти не золото, а уникальные артефакты. Да и какое там золото на раскопе острога? Разве что пару монет найдем или женское украшение.

Он тяжело вздохнул и едва заметно улыбнулся. А улыбка у него была замечательная. От таких улыбок самому хочется улыбаться. Правда, глаза у Анатолия были грустные, а может, усталые? Татьяна исподтишка наблюдала за ним и слушала, что он говорит:

– Здесь одно хорошо. До ближайшего села километров сорок. Правда, для пьяных кретин это не расстояние. Вроде всех убедишь, что золота не нашли. Но всегда найдутся те, которые не поверят. Дескать, мы – люди простые, в академиях не учились. Обмануть нас проще пареной репы! Вот и проникают по ночам на раскоп. Поэтому у нас твердое правило – после первых же находок лагерь и раскоп без охраны не оставлять. Иначе даже инструменты растащат из вредности и камералку разграбят.

– У вас и оружие есть? – быстро спросила Татьяна.

– Какое оружие? Кайла и лопата. У Пал Палыча, нашего завхоза, старенький дробовик. В крайнем случае зарядим его солью. Есть еще травматический пистолет. У меня. Остальное не положено. Это черных копателей автоматчики охраняют. Рассказывали мне, как они настоящих археологов отпугивают. Сначала предупредительный выстрел в воздух, а потом и в ногу пуля может прилететь. У нас тоже был случай лет восемь назад. Ушлые аборигены украли все разметочные кольца на квадратах. Они обычно из алюминия. И сдали как цветной металл. Пытались их догнать, так они бабахнули из дробовика. Двух моих студентов пришлось в больницу везти. Мне – куча неприятностей, остальным – масса работы по восстановлению сетки координат. Так что против дробовика лопата бессильна...

– Анатолий Георгиевич!

Истошный вопль заставил их вскочить на ноги. Кричал тот самый парень в пиратской косынке.

– Нашел! Смотрите, что я нашел! Золото!

– Ну вот, нагадал козе смерть! – с досадой произнес Анатолий.

А парень, выбравшись из раскопа, уже бежал к ним, сжимая что-то в ладони. Следом, придерживая шляпу за поля, спешила Людмила.

– Перекур! Пятнадцать минут! – пронеслось над раскопом.

Мигом вся толпа работавших окружила их плотным кольцом. Те, кому не удалось пробиться в первые ряды, подпрыгивали, вставали на цыпочки, тянули шеи, отталкивали более удачливых. Гвалт стоял невероятный, пока Анатолий не рявкнул:

– Тихо! Отойти всем на пять шагов! И не мешать!

Он осторожно взял бурый комок спекшейся глины, внимательно осмотрел, перевел взгляд на парня.

– Сева! С чего ты взял, что это золото?

Тот растерянно развел руками.

– Так это... Ковырнул... Блестит!

– Я вот тебе ковырну! – рассердился Анатолий. – Велено: все складывать в пакеты и отдавать в камералку. Там будут ковырять, очищать и мыть. Твое дело – найти! Понял? Найти, зафиксировать место находки и бережно эту находку упаковать!

– Простите! – парень покраснел. – Но это, кажется, перстень...

– Креститься надо, когда кажется, – проворчал Анатолий. – Еще раз такое повторится – и выгоню! Накроется твоя практика медным тазом!

Парень опустил голову, но не уходил, косил любопытным глазом. Анатолий осторожно нажал пальцами на комок, и тот развалился на две половинки, как скорлупа ореха. А внутри и впрямь был перстень. Почерневший, слегка оплавленный, но при виде его у Татьяны подкосились ноги. Перстень Германа Бауэра! С головой льва! Правда, вместо двух изумрудов – один. Вторая глазница была пустой...

Глава 4

Затаив дыхание, Татьяна отошла в сторону, присела под березой. Но никто не заметил, что она покинула раскоп, и никому не было дела до ее испуга. Всех волновал только найденный перстень. Она подняла забытую Анатолием фляжку, сделала несколько торопливых глотков и наконец перевела дух. У-уф! Выходит, то, что ей снилось, совсем не фантазия? Но как объяснить эти видения нормальному, трезвомыслящему человеку, который наверняка сочтет их бредом? И будет абсолютно прав. Кто в здравом уме поверит в странные перемещения во времени, пускай даже во сне? Но она-то знает – все виденное ею, по сути, пережитое и прочувствованное – правда! И подтверждение этому – перстень с указательного пальца Германа Бауэра!

Неужели во всем виноваты серьги и перстень Айдыны? Может, не стоило их надевать? Жила бы себе, поживала, спокойно, без потрясений, без терзающих душу сновидений. Но почему Анастасия Евгеньевна отдала украшения именно ей? Если тетушка знала об их тайной силе и проблемах, которые несет в себе эта сила, то не проще ли было оставить их в шкапулке как красивую антикварную вещицу? Но ведь не оставила же, почему?

Татьяна снова отхлебнула из фляжки. Несомненно, серьги и перстень – особый знак, ключ к разгадке всего происходящего с Татьяной, который послан ей свыше, через время и пространство. Но почему именно ей? Для чего? Чтобы перевернуть жизнь? Разрушить прежний уклад, перекроить судьбу по новым лекалам, выбрать тот единственный путь, который так и остался бы неведомым, закрытым, перегороженным шлагбаумом привычек, обязанностей, страхов и кучей условностей – всего того, что мешает человеку осознать свой талант и предназначение?

Татьяна вздохнула, прислонилась спиной к березе, закрыла глаза. Теплый ветерок ласково касался лица, над головой шелестела листва. Она почувствовала: что-то опустилось ей на плечо. Она приоткрыла глаза. Надо же, бабочка! Белая, капустница. Сложила крылья, замерла, лишь черные усики слегка подрагивают. Татьяна боялась перевести дыхание, чтобы не вспугнуть бабочку. И загадала желание: если улетит быстро, то унесет с собой все неприятности, если задержится на плече, то покоя Татьяне не видать, как своих ушей. И бабочка словно услышала ее. Мигом расправила крылья и унеслась, точно цветочный лепесток, гонимый порывами ветра.

Татьяна проводила ее взглядом. Если бы удалось столь же легко и мгновенно отправить в полет все беды и злосчастья, что навалились на нее в последнее время! Прошедший год она пережила, точно стихийное бедствие. События обрушивались, как шторм, закручивались, как смерч, накатывались, как цунами. После аварии она, по сути, осталась одна. И сама справлялась с бедой. Горестно сознавать, что особо никто и не предлагал помощь. Все занимались своими делами, решали свои проблемы... И родители, и брат... Еще год назад у Татьяны были тетя Ася, друзья, коллеги, приятели, любовь, наконец. Но в тяжелейший момент она осталась без привычного круга общения, с обостренными чувствами, с обнаженными нервами, с осознанием непоправимости случившегося. Один на один со своей бедой. А близких друзей у нее, как оказалась, никогда и не было. Так, приятельницы, с которыми разве что кофе попить. Поэтому, наверно, у нее никогда не возникало желания поделиться с ними тревогами, болью, сомнениями, посоветоваться, рассказать о настигшей беде... Да, она справилась! Выкарабкалась! Преодолела страх и безверие! Без советов подружек, без соболезнующих взглядов, без осуждения и сочувствия.

Жизнь – все равно что дорога! То скоростная автотрасса, то разбитый проселок. То ухаб, то яма, то прямо вперед, а то вдруг развилка: иди туда, не знаю, куда. Это звучало, наверно, банально, но воспринималось ею как откровение свыше. В какой-то миг Татьяне

удалось понять, что одиночество, по сути, благодать, которая не всегда осознается и дается не каждому. Это не испытание, а редкостный подарок, когда человек сам, без подсказок и советов, без поддержки и сочувственных вздохов, вдруг уясняет, что способен на многое. И решать свои проблемы он должен сам, без слез и упреков. Ведь никто не виноват в том, что с ним происходит! Как никто не волен предотвратить несчастье.

И Таис, старая, мудрая Таис не зря сказала, что после всех испытаний она станет сильнее, а жизнь заиграет новыми красками – более ярких и сочных цветов. Но когда это случится, пока неизвестно.

Татьяна вздохнула, вновь отпила из фляжки. Со стороны она наблюдала, как Анатолий вертит в руках перстень и что-то негромко объясняет столпившимся возле него землекопам. А тишина вокруг стояла такая, что слышно было, как гудит шмель над кустиком желтой льнянки.

Она смотрела на Анатолия и думала: как случилось, что этот человек внезапно вторгся в ее жизнь и полностью перевернул все ее прежние представления о реальности, о любви, о творчестве, наконец. Получается, он – единственный, кто не оставил ее в беде, не позволил спрятаться в кокон, отгородиться от всего мира и оттого этот мир возненавидеть. Чужой, почти незнакомый человек. Но за этот год он стал ей самым дорогим, самым близким. В письмах она рассказывала ему о том, чего не доверяла матери. О своих сомнениях, неуверенности, тревогах. И никогда – о страданиях. Но он понимал с полуслова. Уговаривал, убеждал, веселил. Бывало, ругал, но не жалел, не выжимал слезу...

Татьяна пыталась понять, зачем он писал ей – ежедневно, помногу? Ведь она привязалась к этим письмам, к этому общению. Не отходила от компьютера, без конца проверяла почту. И начинала тихо паниковать, когда письма вдруг день или два не приходили. А он порой писал их под утро, судя по разнице во времени. Значит, они тоже были для него важными? Одной жалостью целый год непрерывного общения не объяснишь...

– Людмила! – неожиданно повысил голос Анатолий и отвел взгляд от перстня. – Где спирт?

– Сейчас! Сейчас! – племянница появилась мгновенно с пузырьком и ваткой в руках. И, плеснув на ходу из пузырька на ватку, подала ее Анатолию.

Он осторожно обтер перстень. Снова глянул.

– Ну что, Всеволод! Свою награду ты заслужил. Первая значительная находка на раскопе. Мужской серебряный перстень! Так что банка сгущенки за мной!

– Серебряный? – разочарованно протянул парень. – А я-то думал!..

– Дурак ты, Севка! – рассердилась Людмила. – Он же дороже всякого золота!

– Перстень серебряный, а камень, похоже, драгоценный! – Анатолий протер его ваткой. И тотчас тонкий солнечный луч отразился от камня, прочертив тонкую светлую полосу по щеке Анатолия.

– Ух ты! – восторженно закричала молодежь на разные голоса.

– Изумруд! Точно! – кивнул Анатолий. – Жаль, второй камешек выпал. Надо будет просеять тщательно почву, вдруг потеря найдется. Хотя вряд ли, изумруд не терпит высокой температуры, быстро разрушается. – Он похлопал паренька по плечу. – Ну, герой, с почином тебя! И нас, конечно. Перстень явно принадлежал какому-то купцу. Дорогой, массивный... Пстой, пстой... – Он поднес перстень к глазам. – Надпись какая-то? Забита грязью... У кого лупа есть?

Кто-то протянула ему лупу, а Людмила – новую ватку со спиртом. Анатолий тщательно протер внутреннюю сторону дужки перстня, подставил лупу.

– Ну-ка, ну-ка! Что здесь написано? Ага! Gott mit uns! С нами Бог!

– Фу! – презрительно скривилась Людмила. – Фашистская надпись!

Анатолий усмехнулся:

– Ох, не права ты, Люсьен! Это слова из Библии. В свое время, только в русском варианте, являлись девизом Российской империи. А затем появились на пряжках солдатских ремней сначала в прусской армии, а позже – в германской. Так что в сухопутные части вермахта перешли по наследству.

– А я читал где-то, что этот девиз был выбит на пряжках у эсэсовцев, – подал голос Сева.

Анатолий усмехнулся:

– Ошибаешься! На пряжках у эсэсовцев был совсем другой девиз «Meine Ehre heißt treue!»⁵. Кстати, римские легионеры тоже шли на врага с боевым кличем «Nobiscum Deus» – «Бог с нами!».

Он снова посмотрел на парня.

– Пойдем! Покажешь, где нашел! А всем в штывки! – он окинул грозным взглядом притихших копателей. – И в раскоп! Час до обеда остался.

Обняв Севу за плечи, Анатолий направился к его квадрату. Людмила поспешила следом. О Татьяне совсем забыли. Но она обрадовалась передышке. Есть время собраться с мыслями. Она почти со страхом поглядывала на раскоп. Какие еще сюрпризы он приготовил? И всячески пыталась успокоить тревогу, но получалось неважно. Над раскопом висела звенящая тишина. Виднелись только спины людей, молча орудовавших лопатами, совками и мастерками.

– Таня!

Голос Анатолия заставил ее вздрогнуть. Он подошел сбоку, незаметно.

– Ты что побледнела? На солнце перегрелась? Устала? – Он опустился рядом с ней на траву. Глаза его радостно блестели. – Видела, какую прелесть мой студентик откопал?

И вытряхнул перстень из прозрачного пакетика на ладонь. Снова яркий луч отразился от камня. Анатолий смотрел на находку взглядом футбольного фаната, обретшего потную майку своего кумира. Словом, светился от счастья.

– Глянь! Перстень явно принадлежал немцу. А вдруг самому Герману Бауэру? Не зря же мы его сегодня вспоминали? – И заглянул ей в глаза. – Нет, что-то с тобой не так. Сейчас прикажу отвезти тебя в лагерь. А мне нужно остаться. С Федором поговорить. Помнишь, мы его на переправе подобрали?

Татьяна кивнула. Разве она могла забыть Федора? Но только и вправду почувствовала себя плохо. И все же нашла в себе силы спросить:

– Как он? Работает?

– Я его бригадиром поставил. Толковый мужик, ответственный!

Анатолий вскочил на ноги, подал ей руку. Заметил смущенно:

– Не обращай внимания, если я ругаюсь или кричу немного. Не поверишь, тут словарь сужается до десятка слов: «начали», «курить», «еще час ударной работы» и «убирайте мусор». Причем после команды «Убирайте мусор!» народ, наплевав на все святое, мигом пытается сбежать. Вот тут бригадир и нужен. Иначе все инструменты побросают как попало и смуются в лагерь или на речку...

И снова посмотрел на нее с беспокойством.

– Что случилось? Такое впечатление, что я говорю, а ты не слышишь! Может, вернешься к Таис? Отдохнешь, соберешься с духом.

– Нет-нет, – отказалась она. – Я лучше здесь останусь. Быстрее привыкну к жаре и лагерной жизни.

---

⁵ *Моя честь зовется* – верность. (Нем.)

– У нас до пяти вечера обеденный перерыв, а потом до девяти – снова в поле. Если хочешь, побудь это время в камералке, посмотри первые находки, которые подняли из раскопа.

– А можно мне зарисовать перстень? – спросила Татьяна. – Очень интересная работа!

– Конечно, – обрадовался Анатолий. – Фотоснимок все равно не передаст деталей. А если сделаешь его в цвете, то тебе цены не будет!

– И получу за это банку сгущенки? – улыбнулась Татьяна.

– Нет, взамен получишь мою любовь и уважение, – Анатолий быстро отвел взгляд, но сердце ее забилось и того быстрее. – Смотри, у него ступенчатая огранка. Она так и называется – изумрудная. В древнейшие времена изумруды в основном добывали в Египте, в копиях Клеопатры. Возможно, и этот камешек египетский, привезен из крестовых походов.

Анатолий повертел перстень в руках, словно что-то прикидывая.

– Знаешь, – взгляд его стал задумчивым, – этот камень не терпит лживых и злобных людей – им он приносит несчастье. А еще говорят, что изумруд укрепляет здоровье, продлевает жизнь и вообще нейтрализует любой негатив. Его нужно пристально и подолгу разглядывать, дескать, в нем отражается все тайное и видится будущее. Словом, замечательный камень!

– Ты и в камнях разбираешься? – Татьяна в веселом удивлении всплеснула руками.

– Ровно столько, сколько нужно в моей профессии, – ответно улыбнулся Анатолий и поднес перстень к глазам. – Удивительное дело, что камень вообще сохранился! Очень он нежный на самом деле. А этот пожар пережил, не потускнел, не потрескался.

Он осторожно вернул перстень в пакетик.

– Что ж, с первой значительной находкой нас. Дай бог, не последней!

– Здравствуйте, – раздалось за спиной, – можно посмотреть?

Татьяна вздрогнула и оглянулась. Федор! Легок на помине.

А тот уже опустился на корточки рядом с Анатолием, взял у него пакетик с перстнем. Осмотрел с мрачным видом и покачал головой.

– Знатная находка! Нетипичная!

– Судя по надписи, перстень принадлежал немцу, – сказал Анатолий.

– Не скажите, – усмехнулся Федор. – Многие из окружения Петра Первого носили такие перстни. Тайное Братство Белого Льва. О нем мало что известно, но по своему влиянию оно не уступало масонам.

– Братство Белого Льва! – шлепнул себя по лбу Анатолий. – Как я упустил? Голова льва, надпись... Выходит, перстень принадлежал кому-то из важных особ, близких к Петру? Он ведь тоже был членом Братства?

– Слухи эти ничем не подтверждены, – Федор чиркнул зажигалкой и прикурил сигарету. – Но хозяином перстня, тут я с вами согласен, мог быть кто-то из сподвижников Петра Первого.

– Мирон Бекешев или Герман Бауэр...

– Герман Бауэр?

Татьяне показалось, что Федор насторожился.

– Ну да! Мирон Бекешев, воевода Краснокаменского острога, был некоторое время приказчиком на Абасуге, затем его сменил Бауэр. Оба – люди Петра Первого.

– Вам лучше знать, – усмехнулся Федор и поднялся на ноги. – Я сегодня подежурю на раскопе.

– Я и сам хотел просить вас подежурить ночью, – сказал Анатолий и тоже поднялся на ноги. Пожал широкую ладонь бригадира. – Распоряжусь, чтобы ужин вам доставили на раскоп.

– Вечером не ем, – отрезал Федор, – а чай и сам вскипячу на костре. Есть у меня котелок и заварка.

– Ну смотрите! – пожал плечами Анатолий. И подал руку Татьяне. – Поедем в лагерь? Федор смерил ее взглядом, усмехнулся.

– Гляжу, с костылями расстались?

– А вам что за дело? – неожиданно рассердилась она. – Рассталась и рассталась! Вас это волнует?

– Абсолютно не волнует! – Федор прищурился. – Простите за бестактность! – и, кивнув, направился в сторону раскопа.

Отчего-то вдруг от этих слов, несмотря на вполне корректный тон, в воздухе вновь повисла тревога. словно колючий осенний ветер забрался под легкую рубаху и прошелся по телу неприятным ознобом. Татьяна посмотрела на Анатолия и поняла, откуда взялась тревога. Его глаза. Они были холодными и немного грустными.

– Что ты на него взъелась? – Анатолий покачал головой. – Об этом сегодня не один Федор спросит. Таково уж племя человеческое. И всем будешь дерзить?

– Прости, – Татьяна виновато улыбнулась. – Почему-то он меня раздражает! Есть в нем что-то такое... Не знаю, как объяснить...

– Брось! – Анатолий обнял ее за плечи. Взгляд его немного повеселел. – Нормальный он мужик. Толковый! Посмотри, какой у него порядок на раскопе. Муштрует школяров – будь здоров!

– Прости, – повторила Татьяна. – Наверно, я плохо разбираюсь в людях. Тебе виднее. Помолчала мгновение, оглянулась на раскоп и перевела взгляд на Анатолия.

– Пожалуй, я сегодня точно поработаю в камералке. Зарисую перстень, может, еще на что сгожусь...

Анатолий засмеялся и снова обнял ее за плечи. Похоже, ему это нравилось. Впрочем, она ничего не имела против.

– Правильно ты решила. Ольга Львовна мигом займет тебя работой. Особенно, если узнает, что ты профессиональный художник. Она – женщина строгая, но добрая. Думаю, у тебя получится найти с ней общий язык. Но предупреждаю: это очень и очень непросто!

Татьяна не успела ответить. Над березовой рощей, над рекой, над синими сопками поплыл почти колокольный звон. Это в лагере кто-то принялся методично бить в обрубок железного рельса, висевший рядом с полевой кухней.

И тотчас раскоп огласился радостными криками, ожил, поднялась суета, и в мгновение ока шумная, потная, успевшая загореть до черноты археологическая братия снялась с места и наперегонки бросилась к реке.

– Смоют грязь и – за стол! – улыбнулся Анатолий. – А ты не хочешь искупаться?

– Нет-нет, – замахала она руками. – Я потом, позже...

– Ну смотри! А я искупаюсь, – Анатолий подвел ее к машине. – Поезжай в лагерь. Встретимся за столом. А то голодная орда сметет все в одночасье!

Татьяна проводила его взглядом. Начальник экспедиции, сбрасывая на ходу кеды, майку, шорты, обогнал своих подопечных и, подпрыгнув, ринулся с обрыва в воду. Следом за ним с хохотом, визгом, отчаянными воплями устремилась молодежь.

– Я пройду пешком, – Татьяна улыбнулась водителю. – Лучше ребят подвезите после купания.

Она направилась по тропинке сквозь березовую рощу. И с первых шагов поняла, что не прогадала. Под деревьями было свежо и прохладно. Среди высокой травы горели жарки, пунцовели марьины коренья, желтая куриная слепота завладела пригорками, уступив низины нежным незабудкам. Берега узкого ручья затянули кусты отцветавшей черемухи.

Тихо журчала вода, громко пели птицы, над цветами шиповника жужжали пчелы и шмели, порхали разноцветные бабочки.

Татьяна раскинула руки, зажмурилась и вдохнула полной грудью ароматы первых дней лета. Как здорово снова ощутить себя сильной, здоровой, смелой! Как здорово, когда волны чувств вновь подхватывают тебя, возносят, раскачивают, как на качелях... Почвы уже нет под ногами, волны бросают из стороны в сторону. Ты захлебываешься, словно водой, любовью и счастьем – ведь любовь неотделима от жизни, как и жизнь – от любви. Поэтому и хочется сохранить их с одинаковой силой, они равнозначно желанны и необходимы... Даже в худшие времена Татьяна верила в лучшее. Сомневалась, страдала, плакала, но неизменно верила... Теперь и боль, и отчаяние позади! А впереди? Впереди – непременно, счастье! Только счастье! И взаимная любовь!

Глава 5

Татьяна только-только подошла к лагерю, как подвалила шумная ватага, посвежевшая после купания, веселая и голодная. Самому старшему – едва за тридцать, остальные и того моложе. Анатолий был среди них – оживленный, кеды и майка в руках. Первым делом нырнул в палатку и мигом появился обратно в чистой рубашке и сандалиях на босу ногу. Подошел к Татьяне, робко стоявшей в стороне, подвел ее за руку к столу. Представил. Любопытные взгляды скользнули по ней и тотчас переместились на дежурных, которые весело размахивали черпаками, призывая становиться в очередь за едой.

Молодые люди радостно загалдели и, прихватив миски, устремились к полевой кухне. Но и в очереди они не прекращали говорить о раскопе, обсуждать находки. Перстень, который нашел Сева, развал горшка, обнаруженный неизвестным Татьяне Митькой... Получив свою порцию, садились за стол и жадно набрасывались на еду. В мисках – салат из первых овощей, макароны с мясным рагу. Макарон, как в любом полевом лагере, оказалось неприлично много. И чаю. Пей сколько хочешь! Анатолий громко сообщил, что к вечеру должен вернуться из города завхоз экспедиции с новым запасом провизии, и позволил народу доесть пряники. Пряники! Ура! И конфеты! Слипшаяся от жары карамель. Но молодежь набросилась на сладости с тем же энтузиазмом, с которым докапывалась до культурного слоя. Но пряников, как и конфет, никогда не бывает много, поэтому снова пили чай, уже с хлебом и сахаром. И разговоры, разговоры... Но ничего личного, ничего отвлеченного. На устах у всех раскоп. Кое-кто готов работать на нем и в жару, и без перерыва, но строгий приказ начальства – до пяти вечера всем отдыхать!

Никто особо не перечил, хорошо понимая: с начальством лучше не спорить! Начальник всегда прав – проверено на личном опыте поколениями подчиненных.

Из небытия вдруг вырос вопрос завтрашнего дежурства. В рядах молодежи тут же возникло смятение: мало кто горел желанием оставаться в лагере. Переходящий будильник черной меткой лег в ладонь Людмилы.

– Почему опять я? – она обиженно надула губы. – Я два дня назад дежурила. Мне на раскоп надо!

Но на раскоп требовалось идти всем, и в бедственное положение Людмилы вникать никто не собирался, несмотря на ее горестные вздохи.

– Шумно у нас, конечно! – Анатолий, улыбаясь, склонился к Татьяне. – Археологи – народ увлеченный, заводной, со своими шутками-прибаутками, былями и небылицами, землекопы – в основном старшеклассники и студенты. За ними как раз глаз да глаз нужен! Словом, скучать не приходится! Порой так тебя разыграют, так подловят! Глянь, вон та шайка-лейка, вместо того чтобы отдыхать после обеда, бродила на днях по степи и наткнулась на частично разрушенную каменную писаницу⁶, а под ней нашли две плиты с древними личинами. Никем еще не описанные. Вот, спорят, к какой культуре относятся.

Он махнул рукой в сторону дальнего конца стола, за которым что-то шумно обсуждали его подопечные. Три парня и две девушки, не забывая работать ложками, склонили головы над листами бумаги: то ли рисунками, то ли большими черно-белыми фотографиями.

– Скорее всего, петроглифы⁷ – тагарские⁸, а личины – окуневские⁹.

⁶ Писаница – памятник наскального искусства, культуры и истории древних народов.

⁷ Петроглифы – изображения, высеченные на каменной основе.

⁸ Тагарская культура – археологическая культура, распространенная в VII—III вв. до н. э. в Минусинской котловине, в районе Красноярска и восточной части Кемеровской области. Названа по острову Тагарскому на Енисее (напротив г. Минусинска).

И улыбнулся.

– Хочешь познакомиться с творчеством древних художников? По сути, твои коллеги.

– Конечно, хочу, – Татьяна улыбнулась в ответ. – А не помешаем юным исследователям?

– Этим юным исследователям палец в рот не клади, – добродушно усмехнулся Анатолий. – В споре порвут даже научного руководителя. А не порвут, так хоть покусают.

– То-то, смотрю, ты весь покусанный! – рассмеялась Татьяна.

– А у меня шкура динозавра, не прокусишь, не пробьешь! – Анатолий подхватил ее под локоть. – Пошли уже! Покажу тебе эстампажи наскальных рисунков на микалентной бумаге.

– Микалентная бумага? – переспросила Татьяна. – Я знаю, ее применяют в реставрации. А техника эстампа известна любому художнику.

– И в реставрации, и в авиамоделировании. В археологии ею пользуются для упаковки особо ценных экспонатов. А наш замечательный художник Владимир Капелько – друзья называли его Капелей – придумал, как с ее помощью копировать петроглифы.

– Владимир Капелько? – Татьяна остановилась на мгновение. – Я помню его работы. Но я не знала, что он из Хакасии. Очень талантливый и самобытный мастер.

– А еще поэт, большой выдумщик и оригинал, – Анатолий улыбнулся. – Чудак с открытой душой. Капелька был настоящим фанатиком древней истории Хакасии. Тридцать лет собирал древние петроглифы со скал по берегам Енисея, Маны, Абакана, Лены, в степях Хакасии, Тувы. Он первым применил для копирования наскальных рисунков микалентную бумагу. После того как ее намочишь в воде, она не ссыхается и не крошится, а сохраняет свой первоначальный облик. Лист прикрепляется поверх петроглифа к скале и смачивается водой, чтобы она вдавилась во все углубления. Бумага заполняет собой все трещинки и мельчайшие выемки в скале. После высыхания ее натирают черной краской. Получается четкий оттиск фактуры камня – до последнего бугорка или углубления. Эстампажи на микалентной бумаге, по сути, последнее слово в мировой практике копирования наскальных изображений. Помню, с каким восторгом учились мы у Капели делать первые копии. А вот моим студентам это уже не в новинку. Привычно и обыденно.

Они подошли к ребятам. Те разом подняли головы.

– Не отвлекайтесь, – сказал Анатолий. – Мы вам не помешаем.

И повернулся к Татьяне:

– Рисунки выбивались на скальном фризе точечными ударами, а потом заполнялись охрой, смешанной с животным жиром. Им, по крайней мере, пять тысячелетий, а сохранились – как ни в чем не бывало. Краска защищала от воздействия стихий. В коллекции Капели более семисот эстампажей, двести пятьдесят листов сделаны с памятников, безвозвратно утраченных в результате их затопления Красноярским и Саяно-Шушенским водохранилищами. Более двухсот листов содержат изображения, которые никогда не публиковались. Научную и историко-культурную ценность коллекции трудно переоценить. Эксперты оценили ее в более чем тринадцать миллиардов американских долларов.

– Ничего себе!

Студенты разом подняли головы. Глаза их заблестели.

Анатолий улыбнулся.

– Ох и падкие ж вы на доллары! Сколько раз я вам говорил, что хакасские петроглифы не только уникальны, они бесценны для нашей истории и культуры!

---

⁹ **Окуневская культура** – археологическая культура первой половины второго тысячелетия до н. э. (эпоха бронзы) на территории Южной Сибири. Названа по местности Окунев – улус на юге Хакасии, где в 1928 г. С.А. Теплоуховым впервые был раскопан могильник этой культуры.

– Кто спорит? – отозвался один из студентов. – Но суммы и впрямь астрономические. Я тут прикинул: это ж двадцать бюджетов нашей Хакасии!

– Выходит, – встrepенулась одна из девушек, – республика смогла бы безбедно прожить два десятка лет только на эстампажах Капелько?

– Нет, вы посмотрите на них! – Анатолий покачал головой. – Не стыдно вам? Вот молодежь пошла, только о деньгах и думает!

Студенты переглянулись.

– О деньгах можно не думать, но что поделать, если все проблемы от их отсутствия.

Анатолий смерил их долгим взглядом, вздохнул, затем осторожно приподнял лист бумаги за края и обратился уже к Татьяне.

– Смотри, как выразительно! До сих пор ученые пытаются понять: зачем на стены пещер, скалы наносились рисунки, с какими обрядами и мифами они связаны.

– Древнему человеку, наверно, тоже хотелось выплеснуть свои эмоции, после удачной охоты или победной битвы? – Татьяна осторожно коснулась оттиска. – Как любому художнику...

– Не совсем так, – покачал головой Анатолий, – в древние времена этим занимались не абы кто и не абы как, а только избранные – жрецы или шаманы. И рисунки наносили в местах святилищ, там, где проводились обряды. И, конечно же, не то, к чему просто душа тянется, а строго определенные, несущие сакральный смысл изображения. Эти рисунки – своего рода «иконы», изображения священных животных, небесных светил.

Анатолий склонился над листом бумаги, не касаясь оттиска, обвел пальцем контуры петроглифов.

– На территории Хакасии много писаниц. Самые древние относятся где-то к неолиту, самые поздние – к концу девятнадцатого и даже к двадцатому векам. Вот на этом, совсем небольшом фрагменте писаницы виден почти весь набор типичных изображений: фантастические звери и птицы, духи и родовые знаки – тамги, дикие и домашние животные, картины мироздания, обряды почитания божеств и духов. Это искусство вообще наполнено символизмом, в окуневской культуре часто встречаются антропоморфные персонажи. Это звери с элементами медведя, волка и птицы, которые поглощают солнце. Человек как таковой не предстает здесь в роли героя. Герои появляются позже, уже в тагарской культуре. – И он протянул ей лист. – Хочешь в руках поддержать?

Татьяна приняла у него оттиск и подняла его повыше. Солнечные лучи пронизывали бумагу насквозь, отчего изображения казались объемными и словно плавали в воздухе. Вздохнув, она аккуратно вернула эстампаж на стол.

– Здорово! Ощущения неповторимые!

– На этом листе, – продолжал Анатолий свой рассказ, – можно рассмотреть жилища тагарцев, котлы, в которых они готовили пищу, повозки, на которых передвигались. Встречаются картины битв, охоты, сцены боевых схваток. Соответственно, имеются воины в доспехах и при полном вооружении.

– Просто «Война и мир» получается, – улыбнулась Татьяна. – Только в наскальных рисунках.

Анатолий расплылся в ответной улыбке и снова подхватил ее под локоть.

– А ты как думала? Вся история человечества – бесконечная череда войн. И, слава богу, что живы пока эти памятники, которые позволяют нам хоть на шагок заступить в ту или иную эпоху, – и, махнув рукой, озорно блеснул глазами. – Тут всего за неделю не перескажешь. При желании увидишь все сама, прикоснешься к петроглифам. Не поверишь, но они всегда теплые и пульсируют под пальцами, словно живые. В конце сезона я обязательно свожу тебя на Боярскую или Сулекскую писаницу. А сейчас давай-ка выпьем еще чайку, если ты не против?

Глава 6

Они вернулись за стол. Анатолий устроился напротив, облокотился на столешницу.

– Как тебе копии петроглифов? Впечатлили?

– Здорово! Но я хотела бы сама попробовать скопировать их. Это сложно?

– Не очень, но навык определенный нужен. На днях, возможно, выберемся к этой писанице, если ничто не помешает, тогда и попробуешь сделать копии. Дам тебе в помощь Люсьен. Она уже набила руку в этом деле.

Анатолий отхлебнул из кружки чай, помолчал, затем заговорил снова:

– В девяностых годах некоторые эстампажи Капели обманом вывезли за границу. Позже они нашлись во Франции и Великобритании. Слава богу и ФСБ, все удалось вернуть. Недавно их показали на выставке в республиканском музее.

Он снова отхлебнул чай, обвел взглядом лагерь.

– Вот так и живем! Как в песне поется: «Не ждем тишины...» К вечеру, бывает, умахешься до чертиков в глазах, особенно, если на раскопе до сотни человек пашет. И каждый норовит что-то спросить, обратить на себя внимание, а уж напортачить, испортить – хлебом не корми. Иногда умудряются такое сотворить, что только за голову хватаешься. Года три назад раскапывали мы курган. В том месте дорогу прокладывали, и строители просто над душой стояли. Нашли десяток костей да остатки бревенчатого сруба, в котором покойник лежал. Говорю: «Ничего не трогать, пока мы его не зачертим и глубинные отметки не возьмем!» Отошел на пару минут к другому квадрату, а землекопы мигом сруб развалили. Ору на них, а они руками разводят: «Чего вы расстраиваетесь? Там же не бревна, труха одна! Тронули, они и рассыпались!» Так что и надзор нужен, но и поощрять, естественно, надо за хорошие находки. Как сегодня!

– Здорово тут у вас! – улыбнулась Татьяна, – И обед вкусный. И чай... Давно с таким удовольствием не обедала.

– Я рад, что тебе нравится!

Анатолий прищурился, наблюдая, как молодежь постепенно отваливала от стола, а дежурные принялись собирать грязную посуду в опустевшие котлы. И снова перевел взгляд на Татьяну.

– В экспедиции всегда хочется есть! До безумия! Свежий воздух, работа тяжелая! Видела, как девчонки работали ложками? Они еду, как чайки, заглатывают. Про парней и говорить нечего. Я лично голод в экспедиции вообще не переношу. Желудок не кричит – орет: поддай топлива! Кстати, ты заметила, у нас отнюдь не диетическое питание: пища жирная, хлеба – море, сладостей – конфеты, пряники, сахар – не жалеем. Мозгам тоже нужна пища. Ужинаем частенько после десяти вечера, а народ худеет. Я в прошлом сезоне килограммов десять сбросил. Вечером на работу выходим с семнадцати до девятнадцати. Школьникам больше шести часов работать по закону не положено. А вот для взрослых закон не писан. Ужин обычно начинается в восемь вечера, а народ подтягивается и в девять, и в десять часов. Иных чуть ли ни палкой приходится выгонять с раскопа.

И вновь пристально посмотрел на Татьяну.

– Можешь отдохнуть в моей палатке, а я здесь, за столом, поработаю. У нас и душ есть неплохой. За кухней мы кабинку для поваров соорудили. Вода в железной бочке, и к вечеру – почти кипяток... И постирать – без проблем! В этом сезоне у нас две стиральные машины...

– Как хорошо вы устроились! – всплеснула руками Татьяна. – Никогда бы не подумала. Стиральные машины! В поле...

– Прогресс! – улыбнулся Анатолий. – У нас в экспедиции три генератора, разные по мощности. Для освещения и компьютеров годятся слабенькие. Для сварочного аппарата и

других нужд – мощнее, бензиновые и на солярке. Для них возим с собой топливо, обычно – бочку бензина да две солярки на месяц. Топливо нужно и для моторной лодки, без нее на реке никак, и для полевой кухни. На костре уже давно не готовим. Армейская печка работает на солярке и рассчитана на роту, так что хватает на всю ораву. Есть еще газовая плита, на которой готовят поджарку и пекут хлеб. Генератор заводим в шесть утра, когда повара поднимаются, выключаем после обеда и включаем уже часа в четыре дня до двенадцати ночи. Словом, почти автономная республика, со своими законами, уставом и обеспечением. К вечеру завхоз баньку протопит, так от желающих попариться отбоя не будет.

Анатолий лукаво прищурился.

– Могу устроить. Без очереди, по знакомству.

– Какая банька! Жара несусветная! – замахала она руками. – Я лучше в речке искупаюсь!

– Ладно! Ладно! – усмехнулся Анатолий. В глазах его прыгали веселые чертики. – Стоит один раз попробовать – за уши не оттащишь.

– Толик, – посмотрела с укоризной Татьяна. – Я ведь сказала: хочу поработать сначала. Ты обещал отвести меня в камеральную палатку. Правда, есть одно «но»... – она замаялась. – Я не позвонила маме. Она, наверно, с ума сходит... Интересно, отсюда можно дозвониться до Питера?

– Сложно, конечно! – пожал плечами Анатолий. – Нет ни сотовой связи, ни Интернета, зато есть спутниковый телефон. Умеешь им пользоваться?

– Умею, – кивнула Татьяна и смутилась. – Только звонки с него дорогие. Но я заплачу, не беспокойся.

Анатолий смерил ее задумчивым взглядом.

– Обязательно заплатишь, как же без этого! Непременно поездку организуем в город, на раскопе ведь терминалов нет, – и, протягивая трубку, снова расплылся в улыбке. – Звони уже!

Татьяна поняла, что он шутит, и все же чувствовала себя неловко.

– Скажи, какой код набрать. Я быстро! Несколько слов, как долетела...

Глава 7

Но быстро не получилось. Домашний телефон не отвечал, видно, Галина Андреевна, как обычно, находилась в бегах по городу. Позвонила на мобильный, долго шли гудки, наконец сквозь шорохи и треск пробился далекий голос матери:

– Алло! Милый, ты?

– Нет, это я, мама! Таня! Звоню по спутниковому! Я уже в экспедиции! Долетела хорошо, встретили отлично!

Татьяна покосилась на Анатолия. Склонившись над столом, он что-то быстро писал в толстой тетради.

– Таня, дорогая! Хорошо, что позвонила! А то я беспокоилась уже!

Татьяна хмыкнула про себя. Беспокоилась? Интересно, что за «милый» появился в ее окружении? Явно не дочь, а он занимал мысли Галины Андреевны. Но озвучивать свои подозрения не стала. Не хватало поссориться с матерью, находясь за пять тысяч километров от Петербурга!

– Как ты себя чувствуешь? – надрывалась в трубку Галина Андреевна. – Как твои ноги? Тебе не трудно там на костылях?

– Не трудно! – ответила она. – Костыли мне теперь не нужны. Хожу своими ногами!

– Как? – поперхнулась от неожиданности Галина Андреевна. – Как это случилось? Ты меня не обманываешь? Ты правда ходишь без костылей?

– Мама, когда я тебя обманывала? – рассердилась Татьяна. – Ты не рада?

– Какие глупости! – теперь рассердилась мать. – Витя тоже обрадовался...

– Вы что, неразлучны теперь?

– Ни боже мой, просто пьем кофе в кафешке на Невском. Что? Возбраняется?

– Это твои дела, – сухо ответила Татьяна. – Общайся с кем хочешь, только меня в эти отношения не впутывай!

– Танюша, снова грубишь? – знакомый басок в трубке звучал добродушно, слегка лениво, но она кожей почувствовала – не предвещал ничего хорошего. Легкий озноб опять прокрался под рубашу, и Татьяна едва сдержалась, чтобы не выключить телефон.

Виктор, бывший жених Татьяны, помолчал мгновение. И снова этот спокойный, ленивый тон:

– Почему я не могу порадоваться твоему выздоровлению? Нас столько связывает...

– Ничего нас не связывает! – крикнула она. – Оставь меня в покое!

– Не получится, дорогая! – Судя по интонации, Виктор улыбался. – Как там наш Федор? Надеюсь, ты подружилась с ним?

Час от часу не легче! Татьяна вздрогнула и перевела взгляд на Анатолия. Но он спокойно открыл ноутбук и, взглядываясь в экран, снова принялся что-то писать в тетради.

– Пошел ты со своим Федором знаешь куда? – пробормотала она и выключила телефон.

Заметила, что Анатолий оторвался от ноутбука и с недоумением смотрит на нее. И, продолжая сжимать в руках трубку, присела на скамейку рядом с ним.

– Послушай, нам надо поговорить, – она нервно перевела дыхание. – Я думала, это несерьезно, как-нибудь обойдется...

– Ты знаешь Федора?

– Нет, абсолютно не знаю. Но помнишь Виктора? Того, что приходил ко мне в палату? Он попросил, чтобы я порекомендовала его тебе. Федор хотел устроиться рабочим в экспедицию. – Она беспомощно посмотрела на Анатолия. – Но обошлось без моих рекомендаций. Понимаешь? Только сейчас Виктор снова спросил про него. А он ничего просто так не

делает! А Федор... Федор сидел пять лет... Он – бывший археолог. И якобы кто-то что-то присвоил во время раскопок. Очень ценное, а Федор пострадал безвинно...

– Ладно, с Федором мы разберемся, – нахмурился Анатолий. – Это несложно. Но ты согласилась рекомендовать его. С какой стати? Не зная человека?

– Виктор вынудил меня согласиться!

Татьяна закрыла лицо ладонями, опасаясь, что слезы вот-вот хлынут из глаз.

– Это связано с мамой... Мне стыдно об этом говорить, но Виктор пообещал не подавать на нее в суд, если я порекомендую тебе Федора. Он интересуется историей освоения Сибири.

Анатолий хмыкнул.

– Мне он сказал, что нуждается в деньгах!

– Мама задолжала Виктору крупную сумму, – вздохнула Татьяна. – По легкомыслию, конечно.

– Виктор тебя шантажировал?

– Да! Он говорил, что придется продать квартиру, если мама не рассчитается с долгами! А это квартира бабушки, вернее, прабабушки... Бекешевы жили в ней еще до революции. После революции их уплотнили, потом вернули несколько комнат. А в девяностых папа выкупил ее целиком. Отремонтировал... – Татьяна не сдержалась и всхлипнула. – Это так гадко! Папа не допустил бы. Но он развелся с мамой. Работает в ЮНЕСКО. А мама... Мама... – Она махнула рукой. – Мама любит антиквариат...

– Не плачь! – Анатолий взял ее за руку. – Все уладится! К Федору я присмотрюсь. Но пока к нему нет никаких претензий. Думаю, лучше не посвящать его в наш разговор. До поры до времени, конечно.

– Я даже фамилии его не знаю, – горестно вздохнула Татьяна.

– Голубцов, – сказал Анатолий. – Только никак не припомню такого археолога.

– А ты всех знаешь? – поразила Татьяна.

– Не всех, конечно. Но тех, кто серьезно копает, знаю.

– Да, я вспомнила, – оживилась она. – Виктор говорил, что Федору три года запрещено заниматься раскопками, ну, из-за того случая с хищением на раскопе. Эти находки, очень дорогие, присвоил вроде какой-то олигарх. А олигархов у нас не судят.

– Все может быть, – покачал головой Анатолий, – но я все равно об этом не слышал. – Он задумался на мгновение. – Нет, фамилия ничего мне не говорит. История странная, но я наведу справки. Непременно! Есть у меня друг, бывший полицейский... – Он переложил тетрадь с места на место, усмехнулся. – Да, задала ты мне задачку!

– Прости! – она виновато улыбнулась. – Я еще в машине хотела сказать. Но честно, испугалась, когда увидела Федора. Боюсь я его почему-то...

– Только не накручивай себя! – посмотрел строго Анатолий. – Нас много, а он – один! Теперь не спущу с него глаз!

И снова склонил голову – задумался. Татьяна терпеливо ждала, когда он заговорит снова.

Наконец Анатолий посмотрел на нее.

– Возможно, он из черных археологов. Из тех кладоискателей, которым море по колено. Тем удивительнее, что его осудили и он сидел. Видно, и впрямь подняли что-то очень ценное и попались. А это редчайший случай, поверь!

– Почему редчайший?

– Да потому, что законы у нас такие – лояльные! – Анатолий помрачнел. – То есть нас могут наказать за начало раскопок без Открытого листа¹⁰. Тут уж получишь по шее непре-

¹⁰ Разрешение на право производства раскопок археологических памятников в России и СССР.

менно, кто виноват в задержке, никого не волнует. А ведь сезон у нас короткий, от силы два месяца. А если три – то великое счастье для археолога. Ну, еще могут наказать за нарушение правил проведения раскопок – понятие весьма растяжимое, которое можно оспорить. Однако и то, и другое не предусматривают злого умысла. И кара, по сути, смешная, штрафы – крошечные. И все чаще некие люди под крылом известных краеведческих организаций на самом деле занимаются не археологическими раскопками, а просто-напросто ищут клады. Находки, разумеется, прикарманивают, только привлечь их к уголовной ответственности никак не получается. В наших краях пока не было прецедента, чтобы возбудили уголовное дело по двести сорок третьей статье¹¹ или кого-то реально наказали за самовольные раскопки. Если это удалось в случае с Федором, то улики, наверное, были грандиозные.

Он помолчал и заговорил снова с тем же угрюмым выражением лица:

– Золото во все времена притягивало людей. А могильное – особенно. Скифы использовали его для своих поделок, а над погребениями насыпали курганы. По сути, найти древние некрополи несложно. Русские, когда пришли в Сибирь, быстро это дело расчухали. И началась охота за могильным золотом. В семнадцатом-девятнадцатом веках людей, которые зарабатывали на жизнь «зачисткой» древних захоронений, называли «бугровщиками». Опасное было занятие, но, если повезет, то выгодное. Кочевники частенько нападали на осквернителей могильников, поэтому приходилось биться не на жизнь, а на смерть за погребальные сокровища. Большинство бугровщиков просто погибали на тех буграх. Впрочем, результаты раскопок иной раз оказывались плачевными. Грабители захоронений существовали всегда, в любые времена. Сейчас найти не разграбленный курган с золотыми изделиями – большая редкость.

Анатолий тяжело вздохнул.

– Раскопали мы как-то погребение, а оно потревоженное. Кости в кучу, ни бронзы тебе, ни золота, кости перемешаны, в изголовье следы от стоявшего там горшка, но грабители и его прихватили. Кто позарился на вещи умершего – неизвестно. То ли современники, то ли уже потомки подсустились. Обнаружили мы в могиле осколки керамики более позднего происхождения. Возможно, лет через пятьсот этот могильник раскопали. То ли целенаправленно искали, то ли случайно обнаружили, сейчас даже гадать не стоит. В Сибири до недавнего времени черные копатели были редкостью, но теперь и у нас объявились. Прошлым летом подобные твари разворотили в степи неизвестное захоронение. По сути, уничтожили его. И теперь торгуют найденными серебряными и бронзовыми изделиями в Интернете. А в европейской части им вообще полная свобода. Смутные времена, восстания, войны, революции... Всегда находились те, которые прятали свои сбережения, драгоценности, деньги в земле, в домах, в подземельях, колодцах... А оружие прошлых войн? Сколько народа за ним охотится! Клады находят с завидной регулярностью. Слышала о недавно найденном тайнике в доме Нарышкиных?

– Слышала! – кивнула Татьяна. – Очень интересная находка. Говорят, вовремя воров поймали. Они будто бы хотели вынести часть клада.

Анатолий с досадой махнул рукой.

– Никто не знает, сколько они успели вынести. По заключению специалистов, украли многие драгоценности рода Нарышкиных: ожерелья, диадемы, кольца, серьги и кучу бриллиантов; три тысячи золотых и серебряных монет, посуду, столовые приборы – тоже из золота и серебра, а еще бра, канделябры, подсвечники и массу других вещей, включая старинные книги. Грабителей поймали за руку, когда большая часть клада была уже похищена.

---

¹¹ Ст. 243 УК РФ «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность» предусматривает штраф в размере от 200 до 1000 минимальных размеров оплаты труда либо лишение свободы на срок до пяти лет.

Понимаешь? Об этом помалкивают, потому что даже оставшееся поражает воображение. Вот такие находки и подогревают интерес черных копателей.

– И как же с ними бороться?

– А кто как сообразит, тот так и борется, – усмехнулся Анатолий. – Мой учитель, профессор Ларионов раскапывал древнее городище в Новгородской области и позже рассказывал, что от черных археологов просто отбоя не было. Вели себя крайне нагло. Стоило археологам покинуть раскоп, как эти копатели тут как тут. Шныряли по раскопу с металлоискателями. Чуть где-то звякнуло, мигом начинали копать. Причем варварски: уничтожали бровки, затаптывали слои... Словом, уничтожали памятник на глазах. А задержать их невозможно. У нас ведь ни оружия, ни охраны. А связываться с этой бандой, не имея оружия, сама понимаешь – опасно. Тогда Ларионов знаешь что придумал? Стали разбрасывать на раскопе гвозди, скрепки, кнопки. Искатель звенит как заведенный, и толку от него, как от козла молока.

– А в полицию не обращались за помощью?

– Какое там! Чтобы серьезно разобраться с этими варварами, надо сначала добраться до полиции, а до ближайшего населенного пункта, где есть отдел или участковый, обычно не один десяток километров. А дороги – вообще отдельная песня. В лучшем случае – грунтовка, в худшем – только на танке проедешь. Но, допустим, доедешь ты все-таки с горем пополам до полиции, убьешь на это день, а то и два, у тебя даже примут заявление о незаконных археологических раскопках, и оперативники, опять же по счастливой случайности, завернут в лагерь. И что дальше? Копателей уже как ветром сдуло. Но вдруг повезет, они не успеют снять лагерь и смыться от правоохранителей. Хотя, какой там лагерь? Они товарищи мобильные, всегда под рукой машина. Но представим, что повезло, и опера застали их рядом с раскопом. А предъявить нечего. Мало ли зевак болтается вокруг? Не пойман – не вор. Умысел кражи ценных артефактов просто невозможно доказать. Разве что с лопатой на раскопе застать, и то вывернутся, дескать, червей для рыбалки копали. Словом, бороться с черными археологами сегодня практически невозможно!

Анатолий замолчал, обвел взглядом поляну и снова перевел его на Татьяну.

– Толпы сволочей с миноискателями наперевес шакалят на археологических памятниках, разоряют их напропалую ради продажи древностей падальщикам-коллекционерам, археологи пытаются хоть что-то уберечь для неблагодарной нации – но их мало, гораздо меньше, чем коллекционеров. Вон недавно в Греции приговорили двух черных археологов к пожизненному заключению. Они пытались присвоить античные сокровища почти на десять миллионов евро. Добыли их на древнем кладбище возле Салоник. А двое поделщиков получили лет этак по двадцать тюрьмы.

– Сурово, но справедливо! – вздохнула Татьяна. – Но то в Греции... Там древности на каждом шагу! Не уследишь – мигом растащат по всему свету или на сувениры, или в частные коллекции.

– В том-то и дело, – кивнул Анатолий. – Греция, на самом деле, сушая мечта археолога. Там ведь почти каждый день находят уникальные артефакты. И на раскопках, и даже тогда, когда люди просто работают на своем участке. Представляешь, после сильного дождя размыло землю в огорожке, и вот оно – сокровище, которому цены нет! А тому, кто нашел клад, непременно полагается вознаграждение. Бывало, государство выплачивало до пятисот тысяч евро. Но кое-кому всегда хочется получить еще больше, а жадность, как известно, частенько ведет к крупным неприятностям.

– Любое зло непременно аукнется, как бы ни старались его скрыть, – сказала Татьяна. – Не зря говорят: «Тайное всегда становится явным!»

– К сожалению, не всегда, – усмехнулся Анатолий, – порой, и через века невозможно разобраться. Часто люди приносят нам свои находки, обычно говорят, что случайно нашли.

Шел, споткнулся, глядь, а под ногами серебряная монета, или две, или три... Или наконечник стрелы, или бронзовые бляшки из кургана, которые точно просто так под ногами не валяются. Самое главное, многие думают, что приносят пользу науке, и не подозревают, какой огромный урон наносят истории на самом деле. Для археологии в первую очередь важно, как и на какой глубине лежит в земле артефакт, какой у него контекст. При обычном вскапывании научная информация теряется навсегда. Находит, допустим, человек наконечник стрелы и, радостный, несет свою находку продавать. И не понимает, что лишил ее глубокого контекста, и потому ценность наконечника падает до копейки. А, возможно, мог бы привести к значимому открытию. Вдруг он торчал в чьем-либо черепе или указал бы на древний культовый объект, к примеру, трехтысячелетней давности, но мы этого уже не узнаем никогда.

– И что же? Совсем-совсем ничего нельзя изменить? – спросила Татьяна.

Анатолий пожал плечами.

– Можно, наверное, но пока не получается. В начале двухтысячных пытались создать федеральную службу археологической охраны. Полагали, что в ее состав войдут археологическая полиция, а также структуры, которые выдают разрешения на строительство, обеспечивают раскопки, ну и им подобные. Автор идеи директор Эрмитажа Михаил Пиотровский выступил на заседании Госсовета. Президент поддержал. Но сколько лет прошло – и... тишина. Как обычно! А ведь проблема, как тот чирей, зреет, зреет. Никто не знает, сколько ценных, воистину уникальных находок ушло за границу. Зато известно, что только в прошлом году продано около ста тысяч металлоискателей. Свободно, без всяких разрешительных документов. Явно не мины искать на даче или в саду! Ладно, – он махнул рукой, – чего болтать попусту. Пока мы боремся с ветряными мельницами.

И поднялся из-за стола.

– Хорошо, что предупредила меня. Будем думать, что Федор просто решил заработать. Но каким образом – обязательно узнаем. – И широко улыбнулся Татьяне. – Ладно, прекрати хлюпать носом. Сейчас пойдем знакомиться с Ольгой Львовной. Она ведь не поймет, отчего ты зареванная?

Глава 8

– В любой экспедиции камералка – чисто райское местечко! Глянь: прохладно, тихо, не пыльно, вода рядом, в ручье. Словом, сиди, прикасайся к древности, очищай находки и наслаждайся. Разглядывай, сколько душа пожелает, трогай, изучай, мечтай, рассуждай о тщетности бытия и вечности. Тут мелкие мысли в голове не задерживаются, больше на философию тянет.

Анатолий придержал ее под локоть, и они осторожно спустились по ступеням, выложенным плоскими камнями, к большой шатровой палатке, стоявшей на дне неширокой ложбины. Рядом протекал узкий, но бурный ручей. На берегу – несколько пластмассовых тазиков. Возле них сидела на низкой скамеечке маленькая седая женщина и что-то сосредоточенно очищала щеткой, то и дело поднося это что-то к очкам и тщательно рассматривая.

– Ольга Львовна! – окликнул ее Анатолий. – Вот, помощницу вам привел!

Женщина оглянулась, поднялась со скамеечки и, сняв очки, потеряла переносицу. Затем близоруко прищурилась.

– Помощница – это хорошо! – обвела Татьяну взглядом. – Первый раз на раскопках?

– Первый, – кивнула Татьяна. – Но я постараюсь не огорчать вас.

Женщина хмыкнула.

– Работа у нас несложная. Керамику моем, кости считаем...

– Таня – профессиональный художник, – Анатолий слегка сжал ее локоть. – Будет зарисовывать находки...

– Прекрасно! – Ольга Львовна скупно улыбнулась. – Художники нам нужны! – И сделала приглашающий жест в сторону палатки. – Добро пожаловать в мои хоромы.

Они вошли в палатку. Спартанская обстановка. Раскладушка. На ней подушка и спальник. В углу – ствол дерева с коротко обрубленными сучьями, на которых висела кое-какая одежда – штормовка, свитер, старые камуфляжные брюки в пятнах. Тут же стояли резиновые сапоги и глубокие калоши с толстыми шерстяными носками. Возле раскладушки – домотканый половичок. В центре – длинный стол, накрытый куском брезента. На нем – рулон полиэтилена, кучки керамики, какие-то железки, покрытые окалиной и ржавчиной, черные наколенники стрел, большая конторская книга и несколько толстых тетрадей с закрученными по углам клеенчатыми обложками. И среди этого нагромождения вещей – стеклянные баночки, в которых пламенели букетики жарков и синих водосборов, расцветившие мертвую натуру. Рядом со столом, в углу, один на другом – с десяток деревянных ящиков и картонных коробок, на стеллажах вдоль стен – тоже коробки, ящики, пластиковые контейнеры с надписями, сделанными черным маркером.

Снимая на ходу резиновые перчатки, Ольга Львовна подошла к столу. Окинула взглядом развалы на брезенте, перевела его на Татьяну.

– Здесь, в камералке, мы обрабатываем то, что подняли из раскопа. Считаем, сортируем, моем, оформляем паспорта, записываем, фотографируем, зарисовываем. Конечно, это касается значительных находок. Мелкий хлам, который не представляет исторической ценности, отправляем в мусор. Те, что достойны изучения, упаковываем и передаем в музей. Там их обработают дальше: часть отправят на реставрацию, а остальные занесут в компьютерную базу данных, присвоят учетные номера, словом, начнется вторая жизнь этих обломков.

– Ольга Львовна одна справляется с уймой работы! – Анатолий обнял ее за плечи. – Что бы я без вас делал?

– Пока справляюсь! И не лъсти! – строго посмотрела на него камеральщица. – Я придумаю, как на тебе отыграться!

Она подтянула к себе одну из коробок, достала оттуда пакет из серой бумаги, в которые когда-то упаковывали сахар и крупы, раскрыла его и показала Татьяне керамического барашка.

– Вот, ребенок, видно, потерял, а мы через триста лет нашли. Забавный, правда?

Голос у Ольги Львовны потеплел, она ласково погладила игрушку пальцем.

– Смотрите, совсем не поврежден! Ни трещины, ни скола! Замечательно сделано, с любовью. Возможно, гончар слепил его для своего малыша. Теперь нам нужно понять, кем он был, русским или кыргызом. Для этого будем сравнивать похожие изделия, анализировать...

– Я вам сразу скажу: кыргызское изделие, – Анатолий взял в руки барашка. – Гляньте: характерные узоры по бокам, посадка головы. У кыргызов были свои отменные гончары. И производили не только посуду, но и игрушки.

– Тебе виднее, – сказала Ольга Львовна и, забрав у него барашка, вернула его в пакет. – Вот так ученые делают выводы, порой на одном артефакте. Остальное подгоняют под свою теорию.

– Обижаете, Ольга Львовна, – вспыхнул Анатолий.

– Не о тебе речь, – сухо заметила камеральщица. – Сам знаешь, о ком говорю...

– В семье не без урода, – пожал плечами Анатолий.

– Улов пока небогатый, – продолжала, как ни в чем не бывало, Ольга Львовна, – но со временем, надеюсь, находки валом пойдут, так что работы всем хватит. Вон, вчера какую дуру притащили!

Она кивнула в угол, где стояло нечто большое, с виду тяжелое, отдаленно напоминавшее якорь. Как оказалось, Татьяна не ошиблась.

Заметив ее взгляд, Анатолий пояснил:

– Под утесом, на берегу, скорее всего, располагался причал для судов. Этот якорь ребята вчера случайно обнаружили в песке на отмели, когда купались. За триста лет русло сместилось метров этак на сто к западу, вот он и оказался на поверхности. Только часть лапы была видна.

– Дойдем и до якоря, – усмехнулась краешком губ Ольга Львовна. – Никуда он от нас не денется! – Она потеряла маленькие сухие ладони. – Да! А подписывать находки – вообще прекрасное занятие! Тренирует внимательность, учит концентрироваться и, между прочим, вырабатывает хороший уверенный почерк. В общем, куда ни глянь, везде наилучшие условия для совершенствования себя, любимого, и своих навыков.

Она произнесла эти слова откровенно назидательно, с интонациями старого педагога. Татьяна внутренне съежилась.

– У меня хороший почерк. Четкий! – пролепетала она смущенно.

Ольга Львовна смерила ее взглядом из-под очков и перевела его на Анатолия.

– Перстень принес?

– Уже знаете? – усмехнулся Анатолий. – Какая сорока на хвосте доставила?

– Много сорок! И все горластые! – буркнула Ольга Львовна и протянула руку. – Показывай!

Анатолий подал ей пакетик с перстнем. Ольга Львовна осторожно вытряхнула его на ладонь и некоторое время сосредоточенно рассматривала, затем произнесла.

– Занятная вещица! Что ж, зарисуйте! – и посмотрела на Татьяну. – Не тушуйтесь! У завхоза есть раскладушка. Можете поселиться в этой же палатке. Все веселее будет!

– Правда? Я бы хотела... – Татьяна посмотрела на Анатолия. – Бабушка Таис не обидится?

– Главное, чтобы тебе удобно было, – улыбнулся Анатолий. – А вещи твои к вечеру привезут. Правда, – он почесал в затылке, – комаров здесь много, особенно вечером.

– Ничего, с комарами справимся, – пообещала Ольга Львовна. – Есть у меня, чем их отпугивать! Не бойся!

– Тогда я побежал?

– Беги, – позволила Ольга Львовна и, когда Анатолий ушел, долгим взглядом посмотрела на Татьяну. – Чай пить будем?

– Я только что пила чай, – растерялась Татьяна.

– Ну и славно, пила так пила! – Ее отказ, похоже, совсем не огорчил Ольгу Львовну. – Тогда за работу! Устраивайтесь за столом. Не стану вам мешать. Пойду к своим черепкам.

Она направилась к выходу, но на пороге палатки остановилась.

– Бойчее надо быть, бойчее. Чего вы смущаетесь по каждому поводу?

– Я – бойкая! – Татьяна неловко улыбнулась в ответ. – Просто не привыкла еще. Здесь столько всего необычного, интересного!

Ольга Львовна хмыкнула.

– Ну, это на первых порах все интересно. На самом деле – сплошная рутина, серые будни, пыль и грязь. Пока не пройдем слой золы на раскопе, вряд ли найдется что-то значительное. Этот перстень – исключение, конечно. Скучно находить одни глиняные черепки и гвозди. Только сумасшедшим археологам важен каждый артефакт, даже его фрагмент. А простой землекоп рассуждает по-другому. Находка перстня не просто возродит интерес. Ребята теперь с удвоенным тщанием будут копать и перебирать грунт. А вдруг кому-то повезет еще больше? Они из кожи вон лезут, чтобы друг перед другом отличиться! Такое вот негласное соревнование между квадратами!

– Я видела, как сбежался весь раскоп, когда обнаружили перстень, – улыбнулась Татьяна. – Столько восторга было, столько восхищения, любопытства! Вдобавок Анатолий замечательную историю о нем рассказал!

– Этому у него не отнимешь, – согласилась Ольга Львовна. – Ходячая энциклопедия! И человек очень порядочный, отзывчивый, оттого и работаю с ним десять лет. Другой такую гримзу, как я, давно бы пнул под зад. А он терпит!

Она натянула на руки резиновые перчатки и улыбнулась уже приветливо, как давней знакомой.

– Работайте, Танюша! Не буду вас больше отвлекать!

И вышла. Татьяна вздохнула и снова огляделась по сторонам. Затем села на скамейку, тяжелую, неуклюжую: вместо ножек – березовые чурки, достала из папки бумагу, несколько аккуратно заточенных карандашей. Долго и пристально разглядывала перстень. Вот еще один подарок из прошлого. Придет время, когда она все расскажет Анатолию. А там уж пусть верит или не верит, это его дело. Надо только собраться с мыслями. И с силами, конечно. А сейчас рано! Слишком плохо он ее знает.

Она задумалась. А что она знает об Анатолии? О его жизни, работе, увлечениях? О его отношениях с женой и сыном? Ведь их переписка, по сути, была игрой в одни ворота. Он больше расспрашивал о ее здоровье, занятиях, она отвечала, когда откровенно, когда не очень. Он же писал о себе скупое, больше отшучивался, иронизировал по поводу уймы дел, в которых погряз с головой. Конечно, она предполагала, что это связано с археологией, преподаванием в университете, но все это было слишком общо, хотя на расстоянии воспринималось вполне закономерно. Он сетовал иногда, что дела идут не так, как хотелось бы. Поиски Абасугского острога затягивались, отнимали много сил и времени. И тогда она робко предложила ему поискать в Барсучьем логу, дескать, слышала об этом месте от тети Аси, но ничего больше не помнит, так что никакой конкретики.

Анатолий неожиданно загорелся и даже объяснений не потребовал, откуда Анастасия Евгеньевна могла знать об остроге. Видно, так велико было его желание отыскать таинственное городище, что он беспрекословно поверил ее намекам. И когда поиски увенчались успе-

хом, она получила от него восторженное письмо, полное благодарности... и любви. Нет, он не признавался в своих чувствах, но каждое слово было настолько пропитано теплотой и нежностью, что она долго не могла прийти в себя от неожиданности. Несколько дней ходила под впечатлением, а затем распечатала письмо и носила всегда при себе, в кармане рубахи или куртки.

Потом на смену восторгу пришло удивление, а чуть позже – сомнение. Написал бы Анатолий это письмо, если бы ее совет оказался пшиком и он напрасно потратил бы свое время? А вдруг разочаровался бы, счел за полоумную девицу, пожелавшую таким образом привлечь внимание к своей персоне? И вообще... Может, она все придумала?

Копание в себе привело к всплеску депрессии. Она хандрила, плохо спала, несколько раз всплакнула в ожидании нового письма, которое неожиданно задержалось. Татьяна даже решила, что все кончено, теперь у Анатолия появилась новая любовь – острог, главная в его жизни, а о ней он забудет, потому что нельзя раздвоиться и уделять равноценное внимание той и другой любви одновременно. Впрочем, она уже и в искренности его чувств сомневалась, а позже и вовсе твердо решила, что все ее робкие догадки – лишь плод непомерной фантазии.

Но вскоре пришло новое письмо, которое просто лучилось нежностью. Она обрадовалась как сумасшедшая, и если бы ноги слушались, то пошла бы, наверное, в пляс от радости. И упрекать его, оказывается, было не в чем. Все эти дни, которые она с трудом пережила, Анатолию пришлось много что доказывать, убеждать начальников и коллег в целесообразности раскопок, оформлять кучу документов, писать пояснительные записки... Да она в любом случае не стала бы его упрекать только за ту пару слов, с которых начиналось письмо. «Родная моя...» – писал Анатолий. Ох! Знал бы он, как эти слова встряхнули ее душу!

Татьяна ожила и повеселела. Благо, что за окном сквозь серый сумрак вновь проглянуло солнце. Сырую питерскую зиму вытеснила весна, а весной у нее всегда улучшалось настроение. Как хорошо ей работалось в те дни, напоенные счастьем и светом новой любви...

Работалось? Она с недоумением взглянула на лист бумаги, лежавший перед ней. Надо же, увлекшись воспоминаниями, она продолжала рисовать. И перстень вышел что надо. Анатолию понравится. Она удовлетворенно вздохнула, затем подумала и скопировала рядом надпись с внутренней стороны ободка. Еще подумала и на отдельном листе бумаги нарисовала худую кисть с тонкими длинными пальцами, набухшими венами, узловатыми суставами. И снова перстень – на указательном пальце.

Это была рука Бауэра. Ей даже не пришлось напрягаться, чтобы представить ее. Только перстень этот отличался от найденного тем, что был светлее, и оба изумруда находились в глазницах льва. Она закусила губу и добавила чуть-чуть зелени. Изумруды вмиг засияли, да и сам рисунок словно ожил.

Тогда она достала новый лист бумаги и снова принялась за дело. Лицо Бауэра стояло перед глазами. Длинный, с небольшой горбинкой нос, тонкие, презрительно сжатые губы, впалые щеки и глаза – круглые, с тяжелыми веками и слегка навывкате... Да, навывкате...

Татьяна добавила несколько штрихов и только тут поняла, как затекли ноги и спина от сидения на неудобной скамье. Она отодвинула рисунки, потянулась. Затем встала. Прошла по палатке, разминая ноги. Затем взяла со стола рисунок. Тот самый, с портретом Бауэра, и, вытянув руку, некоторое время рассматривала его, держа на удалении. Нет, что ни говори, а получилось великолепно. Бауэр выглядел как живой. То-то Анатолий удивится! Правда, ее фантазии, да и только.

Она озорно усмехнулась. Ничего, наступит час, когда его изумлению не будет предела. Но позже! А пока не стоит торопить события...

Глава 9

– О! Как здорово вы справились с заданием!

Татьяна оглянулась. Ольга Львовна стояла за ее спиной и с восхищением рассматривала рисунок.

– Кто это? – она взяла портрет Бауэра. – Наверное, хозяин перстня? Таким вы его представляете? Забавно, забавно! И это здорово! – она потянулась к рисунку кисти. – Я вам скажу: чистое произведение искусства. А камни как заиграли! Всего лишь капля зеленого, а каков эффект, а? Вы – мастер, Танюша! Анатолий не ошибся. Для экспедиции вы – сущий клад! А треуголка у этого немца... Как достоверно изобразили! Эпоха Петра Первого. Тогда такие нашивали. Я ведь изучала историю костюма. Поразительно, но вы точны во всех деталях! Просто потрясающие рисунки!

– Скажете тоже! – смутилась Татьяна. – Захвалили совсем!

Но в душе она была польщена. Никто еще так бурно не восторгался ее работами. Критики были умеренны в похвалах, коллеги – сдержанны в признании ее таланта. Конечно, Ольга Львовна не была ни критиком, ни профессиональным художником, но Татьяна чувствовала: она восхищалась искренне, от чистого сердца. И тем более было приятно, что поначалу камеральщица встретила ее недоверчиво. Это Татьяна поняла сразу, по взгляду Ольги Львовны. Там, у ручья!

– Ладно! Не прибедняйся! Немец просто великолепен! Этот надменный взгляд! Да, именно такой тип – жесткий, самолюбивый – мог носить этот перстень, как раз на указательном пальце... Вы угадали, Танюша, характер этого человека! Bravo!

– Но с чего вы решили, что это немец? – буркнула она.

– Тип лица отнюдь не восточнославянский, Танюша. Я ведь и в антропологии кое-что смыслю. Могу сказать уверенно: ты нарисовала немца.

– Видно, надпись на дужке меня смутила, – Татьяна опустила взгляд. – Чисто интуитивно получилось.

– Что ж ты оправдываешься? – Ольга Львовна хлопнула ее по плечу. – Лично я не представляю этот перстень на толстых и коротких пальцах русского купца.

И посоветовала:

– Убери-ка свои рисунки в папку, чтоб не испортить ненароком. А мы сейчас чай пить будем, с пряниками и конфетами. Очисти местечко на столе, я чайник принесу.

Ольга Львовна вернулась быстро. Водрузила закопченный чайник на керамическую подставку в центре стола, затем нырнула в тумбочку, стоявшую возле раскладушки, извлекла на свет божий две кружки, пакетики с чаем, конфетами и пряниками.

– Вот! Чем богаты, тем и рады! Я в столовую не хожу! Шумно там! Суета!

Она присела на скамью по другую сторону стола, напротив Татьяны. Разлила чай по кружкам.

– Пей! Пей! Не стесняйся! Мы с тобой заслужили небольшой перерыв! Молодежь вся на раскопе. На ужин гречка с тушенкой. Я такое не ем. Но, если хочешь, скажу поварам, чтобы ужин тебе сюда принесли.

– Я сама схожу. Не беспокойтесь!

Татьяна отхлебнула чай, взяла конфету. Все-таки она испытывала неловкость.

– Ну, как хочешь, – пожалала плечами Ольга Львовна и почти без перехода спросила: – Откуда ж ты, такая красивая, у нас появилась? Я вроде всех местных художников знаю...

– Из Питера... Анатолий пригласил... – тихо сказала Татьяна, не поднимая взгляда от кружки. – У меня были проблемы с ногами после аварии. Ходила с костылями. Сейчас все в порядке.

– Толик – молодчина! – Ольга Львовна хитровато прищурилась. – Только, сдастся мне, он тебя совсем по другой причине пригласил! Ох, голуба моя, вскружит он тебе голову!

– Мы с Анатолием – друзья! – не сдавалась Татьяна. – Просто он помогает мне. Хочет, чтобы развеялась после болезни.

– Друзья, конечно, друзья! Кто бы сомневался! – глаза Ольги Львовны смеялись. – Только иногда друзья быстро становятся молодоженами! Но я буду очень рада за Толика, если у вас все сложится. С женой ему не повезло! Неприятная особа! Капризная, жадная! Как она умудрилась захомутать его – ума не приложу!

И накрыла Татьянину ладонь своею, посмотрела в глаза.

– Вы уж не обижайте его! Толик – славный и очень одинокий! Но – борец, этого у него не отнимешь!

Татьяна молчала. Что ей сказать в ответ? Несмотря на допрос чистой воды, она не сердилась на Ольгу Львовну. Более того – ей было приятно, что та хорошо отзывалась об Анатолии. Значит, ожидания ее не обманули. Кроме того, со стороны виднее, как Анатолий к ней относится. И это тоже радовало! И обнадеживало!

Она всегда старалась не выдавать своих чувств и меньше говорить о них, тем более – с чужими людьми. Так ее воспитывали, к этому она привыкла! А что говорить? Разве в состоянии кто-то правильно оценить, какая буря творится в твоей душе, какое горе тебя съедает или, наоборот, какая радость фонтанирует? Все внешние проявления чувств казались ей ненастоящими, показушными, неискренними. Настоящие – внутри тебя, в твоём сердце!

А Ольга Львовна уже перекинулась на другое. То ли поняла желание собеседницы не раскрывать душу малознакомому человеку, то ли свои проблемы ее волновали больше. Но Татьяна была благодарна и за это. Резкий голос камеральщицы и манера говорить, как на лекции, без эмоций – сухим, книжным языком, поначалу ей не понравились, но теперь перестали раздражать, равно как и категоричность ее суждений. Тем более Ольга Львовна оказалась презанятной рассказчицей.

– С керамикой много возни на самом деле. Особенно с той, что находят в захоронениях. Она там редко сохраняется целой, кроме разве самых маленьких горшков, – говорила она, отставив кружку с остывшим чаем – похоже, Ольга Львовна давно о нем забыла. – Бывало, поднимут практически целую посудину, смотрят, одна-две трещинки всего, едва заметные – сущая ерунда, по сути. Только на свету эти трещины мигом расходятся. Сама знаешь, предметы на воздухе неравномерно нагреваются. Внутри еще сыро, а снаружи – сухо. Тогда осторожно берем такой горшочек, бережно очищаем от земли, непременно зубной щеткой. Самое главное – не повредить края разломов, по ним ведь придется посудину склеивать.

Ольга Львовна отхлебнула чай, развернула конфету, но забыла и о ней. Так и продолжала рассказывать, с кружкой в одной руке, с карамелькой – в другой. Сразу видно – человек увлечен своим делом не на шутку. Татьяне не приходилось даже прерывать ее вопросами. Ведь это не рассказ был, а песня, и петь ее Ольге Львовне, вероятно, удавалось нечасто. Так полагала Татьяна. И продолжала с удовольствием ее слушать.

– Соединять обломки нужно рыбьим клеем, он в воде растворяется. Но ни в коем случае синтетическим или резиновым. – Глаза с припухшими веками вдохновенно блестели. – Бывает, какие-то фрагменты горшка отсутствуют, и вдруг находится подходящий. Тогда клей растворяешь, опять зачищаешь края и вставляешь нужный кусочек.

Ольга Львовна перегнулась через стол, лукаво усмехнулась.

– А бронзовые и железные предметы знаешь как обрабатывают? Спиртиком, самым, что ни есть банальным спиртиком. Он останавливает окисление. Кстати, в Сибирской академии наук имеется уникальный прибор. На основе спектрального анализа довольно точно определяет состав разных сплавов. В бронзе, к примеру, соотношение меди и олова. В древности соединяли медь и олово, чтобы получить бронзу, добавляли иногда свинец, а еще –

серу и мышьяк. Бронза хорошо сохраняется в могильниках. Окислы придают ей зеленоватый цвет и защищают от разрушения. Вскроют ребята могилку, глянть, а там бронзашки-бусинки, словно горох, рассыпаны. Вроде бы не уникальная находка, а все-таки сердце замирает...

Она спохватилась вдруг, спросила:

– Ты чего чай не пьешь? Остыл ведь!

– Заслушалась! – совершенно искренне ответила Татьяна.

– Правда, что ли? – Ольга Львовна скептически улыбнулась. – Мои рассказы, что вода, льются – не остановишь. Я – человек необщительный. Но если присяду кому на уши, то берегись! Никакого спасения!

Она вздохнула.

– Так жизнь и прошла! Летом – раскопки, зимой – работа в реставрационной мастерской. Я ведь нигде толком и не была. Ни тебе отпуска на море, ни заграничных вояжей. Туда другие ездят. Молодые и продвинутые. А мне и здесь хорошо! Тихо, несуетно, одни комары жужжат, да лягушки квакают. Вообще-то, на раскопе люди отрываются от привычных проблем и забот и поэтому, наверно, становятся тише, спокойнее. Не сразу, конечно, но очень быстро. Лет сорок назад попала я первый раз в экспедицию. Смотрю, а вокруг люди, словно заторможенные, движения плавные, вялые, будто сонные, говорят негромко. Когда ты только что из города, разница очень заметна. Никто никуда не спешит, не бежит сломя голову. Прошла неделя, приехали на раскопки студенты. Смотрим, суетливые они какие-то: орут, руками машут, дергаются без причины. И смотришь ты на них, удивляешься – куда бегут, чего торопятся?

– Я заметила, молодежь здесь шумная, напористая!

– Ничего, скоро притихнут! – махнула рукой Ольга Львовна. – Посмотришь на них в конце сезона. Как шелковые будут. Толик их выдрессирует.

Она так мягко и ласково выговаривала это имя: «Толик», что Татьяна не сдержалась, невольно произнесла его про себя. Вслух бы, наверно, тоже недурно получилось, но как Анатолий воспримет это обращение?

А Ольга Львовна наконец вспомнила о конфете, с хрустом ее раскусила, с недоумением посмотрела в кружку.

– Ах ты, старая маразматичка! Совсем про чай забыла!

Она засмеялась, посмотрела на часы.

– Ну что, Танюша, пойдем осваивать основы ремесла? И кружки заодно помоем.

– Пойдем!

Татьяна с готовностью поднялась из-за стола.

Ольга Львовна встала следом, оглядела ее с головы до ног.

– Что-то не так? – удивилась Татьяна.

– Переодеться тебе надо, – сказала камеральщица. – Шорты и майки хороши в жару, а сейчас солнышко уже ушло, возле ручья сыро и прохладно. Простудишься еще с непривычки.

– Но у меня нет других вещей! Их только вечером привезут.

– Ничего, подыщем тебе одежду. Не смотри, что она не слишком гламурная. – Ольга Львовна подала ей спортивную куртку и камуфляжные брюки. – Не бойся. Вид, конечно, у них лихой, зато чистые! На пятна не обращай внимания. Они не отстирываются. На ноги калоши мои надень. Есть у меня пара носков. Новенькие.

Она порылась в тумбочке. Извлекла носки – синие в белую полоску.

– Надевай! В калошах на босу ногу нельзя.

Татьяна послушно переоделась.

– Ну вот, другое дело! – произнесла довольным голосом Ольга Львовна. – Давай теперь от комаров защитимся.

Она взяла с тумбочки баллончик с репеллентом, обрызгала Татьяну, затем себя. И они вышли из палатки.

Глава 10

Мягкие лучи предзакатного солнца с трудом пробивались сквозь густую листву, ласковые касания ветерка смягчали жару и отгоняли надоедливых мух. Ручей тихо журчал среди камней.

– Вот тебе вместо скамейки, – сказала Ольга Львовна, пододвинула деревянный ящик и протянула резиновые перчатки.

Татьяна натянула перчатки, и они принялись за работу. Ловко сортируя кости животных в одну сторону, осколки керамики – в другую, а железные изделия – гвозди, наконечники стрел – в третью, Ольга Львовна продолжала говорить:

– Мытье – дело нехитрое, но требует осторожности. Тут мужикам с их лапищами делать нечего. Их инструмент – лопата. В лучшем случае – мастерок или пешня. При раскопках и веник в дело идет, и совок для мусора, и ложка, и молоток геологический, и ножницы садовые, даже фруктовый нож пригодится. Однако многое – особенно мелкие предметы – можно пропустить, не заметить, и поэтому весь грунт из раскопа нужно просеивать через грохот – такое огромное сито из проволочной сетки с высокими бортиками. Так что работа у нас деликатная, как у хирурга-косметолога. Для самых тонких и нежных операций нужны верблюжьи кисточки или зуболюбные иглы. Без них сгнившие ткани извлечь не получится.

Она покосилась на Татьяну.

– Тебе еще не надоел мой ликбез?

– Нет, конечно! – удивилась она. – Мне все в новинку, поэтому очень интересно.

– Ну, когда наскучит, скажи!

Татьяна понимала: Ольге Львовне не так важно познакомить ее с основами археологии, как выговориться. Но ей и вправду было интересно. Да и мытье керамики, довольно скучное занятие, приятно скрашивалось этими рассказами. Причем она успевала думать о своем и одновременно слушать тихий голос камеральщицы. Он давно утратил былую резкость. Или Татьяна просто привыкла?

– Я ведь по профессии реставратор, – продолжала говорить Ольга Львовна. – Причем ведущий в Сибирской академии наук. А зарплата – курам на смех. Слезы, а не зарплата. Вот и езжу летом в экспедиции. Толик хорошо платит. Устаю, конечно, мне уже седьмой десяток идет, – Ольга Львовна смущенно улыбнулась. – Но ведь хочется себя чем-то вкусеньким побаловать, нарядов прикупить, да и в театр сходить, на приезжих знаменитостей поглазеть.

Она вздохнула, смахнула соринку со лба тыльной стороной ладони.

– В девяностые, когда совсем плохо было, я ела чуть-чуть, зато курила много. И сигареты, конечно, самые дешевые, оттого и кашляю теперь. Правда, недавно совсем курить бросила. А ем по привычке мало.

Она замолчала. Склонившись над тазиком, загремела осколками керамики. Татьяна наблюдала за ней со смешанными чувствами – уважения и недоумения.

Да, в девяностые годы, когда наша страна была в полном развале и люди просто выжили как могли, тетя Ася, отец, та же Ольга Львовна все-таки не бросили науку. А ведь множество ученых превратились в челночников, рыночных торговцев, занялись ремонтом чужих квартир, да что скрывать, элементарно спились! Можно, конечно, Ольгу Львовну осудить: зачем, мол, было держаться за эту реставрацию с крохотной зарплатой? Но без таких незаметных, терпеливых, бескорыстных трудяг российская наука, брошенная властью, как котенок, под забор перемен, упала бы ниже плинтуса. Анатолий писал как-то в одном из писем: мы отстаем от зарубежной науки на... Страшно подумать насколько! А если бы лиши-

лись старых кадров, научной базы? Пришлось бы только накинуть саван и ползти в сторону кладбища.

– А калымы разве вам не перепадают? – спросила Татьяна. – Я вот знаю нескольких реставраторов в Питере. Хорошо зарабатывают на реставрации икон.

– Бывают калымы, но очень редко. Я ведь живу в Новосибирске. А ему чуть больше века. Жители в основном кто откуда, коренных совсем мало. Где тут взяться фамильным традициям и семейным драгоценностям? Русские пришли в Сибирь только в шестнадцатом-семнадцатом веках, более ранние иконы здесь практически не водятся. В основном век девятнадцатый, реже – восемнадцатый, а такие не слишком ценятся. Однажды москвичи, подсобрав в Подмоскovie старинные образа, привезли их в Новосибирск и сдали в одну шарашкину контору для реставрации, платили по пятьсот рублей за штуку. О качестве, разумеется, речи не шло. А до меня эти горе-антиквары не дошли. Я ведь ценю свой труд и материалы использую недешевые. Стало быть, беру дороже.

Ольга Львовна махнула рукой.

– Лучше я в экспедицию съезжу. Свежий воздух, хорошее питание, и, главное, никто над душой не стоит. – Поправила очки, прищурилась. – Тебе ведь, наверное, тоже заработать хочется? Художникам в экспедиции неплохо платят. Толик говорил об этом?

Татьяна пожала плечами. О деньгах она даже не подумала. Но если заплатят, не откажется. Иждивенкой уж точно не будет!

– Хочешь, я поговорю с ним? – Ольга Львовна подмигнула с видом бывалого заговорщика. – Самой, поди, неудобно?

– Что вы, не надо! – Татьяна смутилась и удивилась одновременно. По лицу, что ли, прочитала ее мысли? – Если нужно, сам скажет. А так, – она пожала плечами, – подумает, что напрашиваюсь!

– Ну, твое дело! – Ольга Львовна посмотрела на часы. – Еще часок поработаем, а там и ужин.

Некоторое время они сосредоточенно трудились. Тазы постепенно заполнялись вымытыми находками. Были среди них не только осколки керамики, но и крупные фрагменты, и железки непонятного назначения... Ольга Львовна осторожно раскладывала их на кусках брезента и поясняла:

– Это часть сосуда, в котором хранили зерно. А это дно братины, в нее наливали квас или медовуху. Глянь, какой орнамент на этом фрагменте! А это – крючок. На нем подвешивали вяленое мясо или копченый окорок. А вот ерунда, кусок гранита, зачем подсунули?

Наконец она выпрямилась, вылила из таза грязную воду и произнесла с довольным видом:

– Все, на сегодня довольно! Поработали, как стахановцы! Одной мне пришлось бы два дня ковыряться!

Прихватив тазы с находками, они направились к палатке, но внутрь не зашли.

– Оставь их, – сказала Ольга Львовна. – Давай на лавочке посидим, закатом полюбуемся.

Они поднялись по ступенькам. Под соснами и впрямь находилась скамейка. С высокого берега открывался вид на реку и на дальние сопки, поросшие тайгой.

– Хорошо тут! Ветерок дует, мошкарку отгоняет. – Ольга Львовна хлопнула ладонью по скамье, приглашая садиться. – Я здесь частенько душу отвожу, думу думаю!

Солнце медленно скатывалось за горы, небо синело, приобретая тот глубокий оттенок, который бывает в начале лета. Розовые и сиреневые облака ложились на речную воду. Роскошная серебристая ива невдалеке, подсвеченная вечерним светилом, казалась еще наряднее и нежнее.

– Я ведь, как и ты, начинала, ничего не смысля в камералке. Учила нас Дора Марковна Бронштейн – этакая археологическая примадонна. Студентов гоняла – не приведи господь. А теперь я ее понимаю. Сколько сил и терпения нужно, чтобы вдолбить науку тупоголовой барышне или увальню, у которого на уме, как бы скорее слинять к девочкам. Так что мне с тобой повезло, тебя учить не пришлось...

– Спасибо! – засмеялась Татьяна. – А то боялась, что сочтете тупоголовой!

– Ты это брось! Не обижайся! – Ольга Львовна взяла ее за руку. – Я, конечно, брякнуть могу, не подумавши. Но ты совсем не похожа на современных гламурных девиц. Прости дуру старую, если обидела...

Она вздохнула.

– Дора Марковна как-то доверила мне отмыть морские раковины. Мелкие, но, видно, красивые были, с перламутром. Нашли их в одном из женских погребений, вокруг головы были рассыпаны. Как попали в Сибирь – одному богу известно. Но представь, как это красиво и грустно одновременно. Кто-то ведь постарался, украсил последнее ложе своей любимой. Жены или невесты... Теперь не узнаешь кого! – Ольга Львовна неожиданно коснулась пальцем уха Татьяны, посмотрела пристально. – Гляжу, серьги у тебя замечательные! Очень старые! Фамильные?

– Да, перешли ко мне по наследству. Говорят, принадлежали кыргызской княжне.

– Княжне? Кыргызской? Надо же! То-то я смотрю – стилистика знакомая! – Ольга Львовна покачала головой и отняла руку. – Красивые, но почистить немного надо. Не возражаешь?

– Нет, конечно! – смутилась Татьяна. – Если вам не трудно!

– Не трудно. Как-нибудь выберу время. – Ольга Львовна задумалась, затем с грустью в голосе произнесла: – Кто-то же создал такую красоту! Мы находили похожие в захоронениях десятого-двенадцатого веков, но из бронзы и примитивнее.

– И золото находили?

– Здесь редко, а вот в Туве и на Алтае – частенько. Там золотые находки – вполне обыденное дело. Под Фирсовом как-то много золота раскопали. Ох, есть в этом нечто романтическое, с лихорадочной отдушиной – очищаешь костяк, а под ним вдруг – золотинка. Блещет, а у тебя сердце екнуло и забьется, как птичка. Строишь, а это бусинка, а рядом пронизка зеленоватая – детали украшения. Только бусинка на деле совсем не золотая. Завернули ее в золотую фольгу, вот получилась вроде драгоценности. Правда, на Алтае встречали и настоящие драгоценные изделия, отлитые из чистого золота.

Камеральщица помолчала, взгляд ее стал задумчивым, устремленным вдаль, а может быть, в прошлое. Там она была молодой и здоровой, а здесь остались только воспоминания, слегка приправленные грустью о том, что ушло безвозвратно.

– Женщины во все века любили украшения, – Ольга Львовна заговорила снова, и легкий вздох, предваривший рассказ, подтвердил догадки Татьяны. – Лет пять назад в разных могильниках отыскали мы почти одинаковые серьги в виде колец. Сейчас такие «конго» называются. Причем одни принадлежали мужчине. Брутальные древние мужики тоже носили одну или две серьги. Но были они чем-то вроде боевого оберега. Кольца у них массивнее, чем у женских, и дужка толще, миллиметра два-три.

Ольга Львовна покосилась на Татьяну, усмехнулась:

– Тяжелые были серьги, и мочку оттягивали, должно быть, до плеча! Находили и другие украшения – более сложные, составные. Мастерницы нанизывали на тонкую тесемку мелкие бусинки, колечки, трубочки-пронизки. Такие серьги крепились в верхней части уха и спускались к мочке по ушной раковине, где тоже закреплялись. Красотища – небывалая! Детали обработаны тонко, точно, линии узора – мягкие. Не поверишь, что красоте такой три тысячи лет с гаком. Как-то я расчищала верблюжьей кисточкой кости ног и вижу вдруг –

золотая бусинка. И не одна, а несколько, рассыпались возле щиколотки. Все, что осталось от ножного браслета.

Громкие удары по рельсу заставили ее замолчать.

– Иди переоденься, да ступай на ужин, – Ольга Львовна слегка подтолкнула ее в плечо. – А я пока посижу, понаслаждаюсь. А вечером спать приходи в палатку. Я сейчас завхозу скажу, чтобы раскладушку и постель приготовил.

– Хорошо, – сказала Татьяна и вдруг, неожиданно для себя, обняла камеральщицу, шепнула ей на ухо: – Спасибо! – и почти бегом направилась к спуску в ложбину.

На первой ступеньке оглянулась. Ольга Львовна сидела выпрямившись на скамейке и смотрела на реку. Сердце Татьяны дрогнуло. Она поняла, кого ей напоминала старая камеральщица. Конечно же, тетю Асю! Худенькая, маленькая, со строгим прищуром из-под очков, но на самом деле – одинокая и беззащитная.

Но грусть мгновенно уступила место радости. Еще чуть-чуть, и она снова увидит Анатолия! Толика!

Татьяна засмеялась и, перепрыгивая ступеньки, помчалась вниз, к палатке. Быстрее, быстрее, чтобы не опоздать!

Глава 11

Татьяна зашла в палатку и остановилась на пороге. Надо же, ее чемодан привезли! И стоит он рядом с раскладушкой. А на ней – матрац и стопочка постельного белья – желтые одуванчики по зеленому полю, и подушка – уже в наволочке. Тут же новенький спальник, из тех, что застегиваются на молнию. Хочешь – в нем спи, хочешь – расстегни и используй как одеяло.

Наверно, Анатолий постарался! Татьяна улыбнулась, открыла чемодан и переделалась в джинсы и плотную клетчатую рубашу, закатав длинные рукава. Вечером будет прохладно, но не настолько, чтобы кутаться в теплые вещи. Тем более жара едва-едва спала. Нет, пусть ветровка останется в палатке, на случай ненастной погоды.

Она подхватила папку с рисунками и направилась в лагерь. Ольга Львовна оставалась все там же, на скамейке, но была не одна. Разговаривала, судя по фигуре и роскошным русым волосам, с молодой женщиной. Они сидели к Татьяне спиной, и она не могла понять, кто это. Но, похоже, раньше эту женщину она в лагере не встречала.

Еще издали Татьяна заметила, что все места за столом были заняты. Похоже, в лагере пополнение, подумала она. Молодежь бойко работала ложками, человек пять уже выстроились в очередь за добавкой к полевой кухне. Полная повариха Тамара, ловко орудуя половником, что-то весело кричала своей напарнице, которая суетилась поблизости.

Татьяна растерялась. Где же Анатолий? Она чувствовала себя неловко посреди поляны с большой картонной папкой в руках.

– Таня!

Она оглянулась. Анатолий поднимался по тропке от реки в компании Бориса, своего друга и помощника, бывшего сотрудника МЧС. Подошли. Борис улыбнулся, как давней знакомой, крепко пожал руку.

– Слышал, слышал, что костыли бросили! Видно, воздух наш и впрямь целебный.

Анатолий смотрел на нее, слегка прищурившись, но глаза его смеялись.

– Как поработала? Ольга Львовна не наезжала?

– Хорошо поработала! – ответила она весело. – А с Ольгой Львовной мы подружились.

Она мне кучу интереснейших историй рассказала...

– Да?

Борис и Анатолий переглянулись.

– Правда, мы с ней даже чай пили!

– Ну, тогда я спокоен, – Анатолий взял ее под локоть. – Если в первый же день чаи гоняли, то Ольга Львовна тебя приняла. Теперь ты в надежных руках!

– Танюша, – Борис пристроился с другой стороны, – приглашаем вас на ужин. Я винца хорошего привез. Отметим ваше выздоровление у Толика в палатке. В тесном кругу. Не возражаете?

– Не возражаю! – ответила она лихо и подумала, что давно не пила вина. Больше года, наверно. С тех пор, как попала в аварию. Что ж, надо когда-то начинать...

Они направились к голубой штабной палатке, установленной чуть в стороне от основного лагеря. Была она большой, шатровой, с боковым тентом, под которым виднелись тяжелые ящики, видно, из-под оборудования, пластиковые бочки, стояли раскладной стол и три стульчика. Внутри же свободно размещались два аккуратно застеленных топчана, складные стеллажи с книгами и папками-скоросшивателями. Между топчанами располагался металлический сейф, заваленный сверху книгами и бумагами, а у стены – длинный стол, за которым вполне могли устроиться человек двадцать. Его тоже загромождали толстые папки, рулоны чертежей, какие-то фотографии, потрепанные амбарные книги, общие тетради...

А между ними – стеклянные банки с лесными цветами. Чувствовалось, что живший здесь человек даже в полевых условиях старался немного украсить свой быт.

– Присаживайтесь, Таня, – сказал Борис. – Вы тут свои дела решайте, а я пока поесть приготовлю.

– Я могу помочь, – неуверенно предложила она.

– Ничего подобного! – отмахнулся Борис. – Мое любимое занятие – столы накрывать и друзей кормить-поить. Жаль, редко сейчас удастся. Лесные палы пойдут, так неделями из тайги выходить не будем.

– Зарисовала? – Анатолий потянулся к папке. – Покажи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.